

Кругосветное путешествие — даже само по себе это словосочетание обладает такой магической силой, что заставляет учащенно биться сердце любого человека, особенно туриста. О «кругосветке» тайно мечтают почти все. Однако для большинства эта мечта кажется несбыточной. Я тоже был в их числе, но сейчас смею утверждать, что кругосветное путешествие не является чем-то невероятным: доверьтесь зову сердца и мечтайте, держайтесь!... Настанет время, и судьба преподнесет такую возможность! Тут уж не зевайте!

Русское географическое общество отправило российскую команду на обследование вулканов тихоокеанского пояса. Причина проста: активизация их деятельности, особенно Йеллоустонского супервулкана. Взрыв супервулкана (именно взрыв, а не извержение) влечет катастрофические изменения условий жизни на Земле.

Последняя подобная катастрофа случилась в Тобе на Суматре семьдесят пять тысяч лет назад. Тысячи кубических километров пепла попали в атмосферу, и солнечные лучи не пробивали его толщу. Произошло глобальное понижение температуры на двадцать один градус. Население Земли сократилось в десять раз. Во столько же раз сократилась численность животных, многие виды вообще вымерли. Три четверти растительного мира Северного полушария погибло.

В отличие от обычных вулканов, имеющих форму конуса, супервулканы представляют собой огромные ложбины или понижения в земле, называемые кальдерами. Когда обычный вулкан извергается, лава постепенно поднимается по жерлу до кратера на вершину горы и изливается вниз. В супервулканах же магма заперта вблизи земной коры в гигантских подземных резервуарах. Скапливаясь в них, она начинает давить на поверхность Земли. Так продолжается в течение сотен тысяч лет до тех пор, пока не происходит взрыв чудовищной силы, в результате которого гибнут целые континенты. Таких спящих «монстров» на Земле несколько.

Один из самых «созревших» супервулканов находится ныне в Йеллоустонском парке в США. В настоящее время «резервуар» под его кальдерой заполняется магмой с угрожающей скоростью.

Мы живем в преддверии очередного катаклизма. Не надо думать, что пострадает только Северная Америка. Если температура понизится на расчетные девятнадцать — двадцать один градус, в обоих полушариях лед покроет обширные территории, и они станут непригодны для жизни. Перед человечеством стоит задача минимизировать катастрофические последствия от подобных мегаизвержений.

Идею обследовать огненный пояс Земли выдвинул профессиональный геоморфолог, чемпион России по спортивному туризму Константин Мержоев. Ему был выделен грант на проведение этой уникальной работы.

«Это будет первое в истории многолетнее непрерывное путешествие вдоль вулканического пояса планеты, который тянется по побережью Тихого океана. За девятьсот дней наши коллеги планируют преодолеть около семидесяти тысяч километров, проведут комплексные научные наблюдения за высочайшими вулканами планеты, проанализируют их динамику за последние сто лет, составят прогнозы их поведения», — сообщил В. В. Путин делегатам XIV съезда Русского Географического Общества.

«Мы представляем с вами, насколько это важно для сегодняшней цивилизации. Достаточно вспомнить, что было этим летом после извержения вулкана в Исландии, как это повлияло на жизнедеятельность многих систем, в том числе систем транспорта и в России, и у наших соседей в Европе», — добавил он.

Впечатления, накопившиеся при прохождении маршрута от мыса Принца Уэльского на Аляске (самой западной точки североамериканского континента) до мыса Горн на архипелаге Огненная Земля (самой южной точки Южной Америки), легли в основу этого очерка. Общая протяженность маршрута тридцать семь тысяч километров. Это была самая настоящая мужская работа. Кроме выполнения задач, поставленных Русским географическим обществом перед нашей командой, нам пришлось привыкать к высокогорью, значительным физическим нагрузкам в течение длительного времени, к местным традициям, валюте, языку и пище.

«МОСКВА — АНКориДЖ» — ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ В ВОЗДУХЕ!

Осенью 2010 года Константин Мержоев включает меня в состав кругосветной экспедиции «Огненный пояс Земли»! Всего в команду отобрали шесть человек: пятеро из Краснодарского края, шестой (автор этих заметок) — из Башкирии.

Представляю членов нашей некурящей и практически непьющей группы:

— Предводитель и идейный вдохновитель, сокрушающий своей энергией все преграды, заслуженный путешественник России, геоморфолог — Константин Мержоев — сорок четыре года;

— Рачительный завхоз и обаятельный балагур с хорошими лидерскими задатками Алексей Казаченко — двадцать пять лет;

— Не знающий ни минуты отдыха хронометрист, красавец с лучезарной улыбкой Николай Коваленко — двадцать пять лет;

— Редчайший, несмотря на молодость, специалист в области медицины Андрей Колодкин — двадцать пять лет;

— Похожий на былинного богатыря, заведующий снаряжением Илья Семенов — двадцать четыре года;

— Единственный очкарик дистрофичного вида, молодящийся пенсионер с писательскими наклонностями — шестьдесят один год.

В город Анкоридж на Аляске мы вылетели девятнадцатого февраля 2011 года, откуда на снегоходах отправимся к мысу Принца Уэльского — исходную точку кругосветки.

С утра отправились наперегонки с восходящим багровым шаром в турне по магазинам: закупать провиант, снегоходы и недостающее снаряжение для отправки на исходную точку маршрута — мыс Принца Уэльского.

Неофициальная столица Аляски — Анкоридж, представляла собой одно- и двухэтажный блин, широко размазанный по пойме реки Матануска, с несколькими

торчащими полунесоскребами из стекла и бетона в центре. При численности населения в триста тысяч человек Анкоридж по площади занимает четвертое место в США. Город с трех сторон подпирают пилообразные отроги гор, а с четвертой (с запада) ограничивает залив Кука.

Человек на улице большая редкость — все на машинах! Передвигаются, как правило, на грузопассажирских внедорожниках («Форд», «Шевроле», «Тойота») немислимых размеров и с полуметровым дорожным просветом. Некоторые даже снабжены подвесными ножами для освобождения дороги от снега. Получается вездеход в квадрате! Машин средней величины немного, а малогабаритные и вовсе в диковинку. Не любят американцы их.

Почти все автомобили с GPS-навигаторами: набирают адрес и рулят, следуя голосовым подсказкам типа «две мили прямо, через двести футов направо...». Некоторые водители настолько привыкли к ним, что без навигатора плуτούν даже в своем микрорайоне.

Половина улиц с односторонним движением. В этом, помимо плюсов, немало и минусов: для того чтобы заехать, к примеру, в соседний двор, водителю приходится делать приличный крюк. В итоге число машин на дороге как бы удваивается. С названием улиц прямолинейные американцы поступили просто: пронумеровали их буквами и цифрами.

Дороги и тротуары, несмотря на обилие снега, выскоблены до асфальта. Ходить и ездить по ним — одно удовольствие. Удивило то, что для пешеходов зеленый горит всего шесть — восемь секунд. Но, надо отдать должное водителям, ни один из них не тронется, пока пешеход не освободит проезд.

Что еще бросается в глаза? Люди, невзирая на мороз, одеваются довольно легкомысленно. Трикотажная курточка, непокрытая голова. Одна крупногабаритная тетка гордо прошествовала мимо нас в тоненькой кофточке, в короткой юбке, со штиблетами на босу ногу. Нос синий от холода, а она идет и улыбается — ей хорошо! Наша команда, облаченная в пуховики, рассчитанные на пятидесятиградусный мороз, вызывала у местных снисходительные улыбки.

Застройка улиц смешанная: стиль «кантри» соседствует с современным модерном. Старых зданий мало: в 1964 году город был до основания разрушен Великим Аляскинским землетрясением с магнитудой в 9,2 балла!

В магазинах изобилие экзотических сувениров из меха и клыков морских животных, сделанных руками алеутских и эскимосских мастеров. Есть весьма интересные работы.

Аптек практически нет. Я видел всего одну. Ассортимент медикаментов скудный, а цены заоблачные — почти на порядок выше наших. Так что болеть в Америке весьма накладно.

Люди при встрече, как правило, здороваются. Даже когда проходишь мимо офиса, в окно обязательно помашут рукой. Большинство женщин курит. Удивило то, что все они густо и широко подводят глаза черной тушью. Когда смотришь на такую женщину издали, кажется, что к тебе приближается череп с провалами пустых глазниц.

Русских довольно много.

С закупкой съестных припасов возникли неожиданные сложности — необходимых натуральных продуктов (тушенки, сухарей, круп и т. д.) нигде не было. Все какие-то суррогаты в красивой упаковке. (Привезти провиант из России мы не могли — на американской таможне все съестное конфискуется.) Особенно потрясло нас качество хлеба. На вид обычный хлеб, а откусишь — пресная, вязкая, как пластилин, бумажная масса.

23 февраля

Четвертый день рыщем вместе с опекающими нас соотечественниками по городу и его окрестностям в поисках снегоходов. Казалось бы, что может быть проще

покупки снегохода на Аляске?! Но нам все карты спутили знаменитые на весь мир ежегодные экстремальные и очень престижные гонки «Идитароуд трэйл» сначала на собачьих упряжках, а следом на снегоходах, стартующие в начале марта из окрестностей Анкориджа до городка Ном, расположенного чуть ниже Берингова пролива (протяженность трассы тысяча восемьсот километров). Из-за них вся техника уже либо забронирована, либо продается по астрономическим ценам. Нарботки есть, но пока не вышли на оптимальный по деньгам вариант.

Чем дольше общаемся с живущими здесь русскими, тем откровенней они становятся в своих высказываниях об американском образе жизни. И к нам постепенно приходит понимание того, что тут не все так радужно, как представлялось вначале. Из их слов следовало, что здесь красиво, удобно, но вся система настроена на то, чтобы человек непрерывно вертелся, работал на пределе. Лишь только расслабился — тебя выбрасывает на обочину. В последние годы многие поразорались. Особенно пострадали те, кто набрал кредитов. А уж если заболел, то это ужасная катастрофа для семейного бюджета.

Позвонил Василий Данилюк:

— Ребята, хотите порыбачить?

Желающих разнообразить меню деликатесной рыбой было много, но Костя отпустил только двоих, менее занятых: меня и доктора Андрея.

До водоема оказалось рукой подать — доехали за минут десять. Ураганный ветер с шипением гнал по голому льду вихрастую поземку.

Размотали леску до нужной длины, насадили на каждый крючок по кусочку мяса креветки и опустили в черные окошки. Не успела наживка достичь дна, как Василий подсек и вытащил серебристую форель.

У меня же ни одной поклевки. Решил было сменить лунку, как мне навстречу из-за острова выворачивает громадный полицейский джип. Из него выходит одетый в бронезилет, обвешанный наручниками, рацией, фонариком, биноклем и оружием бритоголовый верзила. Окинув нас пронзительным взглядом, он решительно направляется ко мне и требует паспорт. Изучив его, тоном, не терпящим возражений, объявляет:

— Вам рыбачить нельзя!

И, пробубнив на ходу еще что-то, уехал. Хорошо знающий английский язык Василий перевел: «Рыбачить на Аляске имеет право только тот, кто прожил в этом штате не меньше года». Делать нечего: нельзя так нельзя. С полчаса с тоской наблюдаю, как возле Василия растет горка трепещущейся на льду форели. В итоге, не устоял: «Дай, — думаю, — проверю, есть ли наживка на моей удочке». Вытягиваю леску — крючок голый. Насадив новый аппетитный кусочек креветки, бросил обратно. И в тот же миг раздается мощный рев сирены. Поворачиваемся — из леса прямо на нас несется в клубах снега знакомый джип, только уже весь в сиянии мигающих красных и синих огней. Подъехав ко мне, он остановился. Дверь распахивается и из машины выходит взбешенный блюститель порядка:

— Вы нарушили! Вы рыбачили! Паспорт! — прокричал он с таким торжествующим видом, что можно было подумать, будто в этот момент им раскрыто самое страшное в истории Америки преступление.

Получив документ, коп сел в машину и надолго склонился над ноутбуком. Мы стоим, терпеливо ждем. Наконец стекло слегка опускается, и «голова», расспросив о моем росте и весе, начинает заполнять бумаги. Я решил подойти и попытаться разжалобить покаянным видом, но, как только сделал шаг, бритоголовый рывкнул: «Стоять!»

В итоге — штраф двести долларов! Я ужасно расстроился — это же приличные, особенно когда в дороге (да еще за границей), деньги — и про себя сразу решил:

«Платить не буду. Если что, как-нибудь выкручусь, отболтаюсь». Но Василий, хорошо зная привычный ход мыслей среднестатистического россиянина, предупредил:

— Камиль, служака, похоже, вредный. Обязательно проконтролирует оплату — они получают процент от штрафа. Увидит, что деньги не поступили, объявит в розыск. Тогда на границе могут надеть наручники и отправить в тюрьму за неподчинение властям.

О боже! Никогда не хотел в Штаты, а теперь и подавно — отбили охоту на всю жизнь! И дело не в штрафе, а в неадекватной агрессивности упивающегося безграничной властью полицейского. Неужели ему больше нечем заняться? Полчаса терпеливо высматривал в бинокль: рыбачит, не рыбачит? А если бы я решился сменить наживку через два часа? Да уж! Что-то неуютно, ребята, в Америке! Даже на Аляске нет воли.

Меня очень интересовало, кто в Америке успешнее в бизнесе: русские или американцы? И я спросил об этом отца Сергия.

— Бесспорно, русские. Мы ведь привыкли к трудностям и чураемся кредитов. Заработанное стараемся в дело вкладывать, а не проматывать на Гавайях. Разные, конечно, есть люди, но наши, в основном, молодцы!

Тут надо добавить, что на Аляске большинство русских верующие и практически никто не пьет. У кого бы мы впоследствии ни были в гостях, нам ни разу и не предложили спиртного.

АЛЯСКА — НЕ АМЕРИКА

24 февраля

Гип-гип, ура! Наконец нашли подходящие, способные выдержать многокилометровую гонку через горные кряжи и заваленную снегом глухую тайгу, снегоходы «Скидо Арктик Кэт» мощностью по сто пятьдесят лошадиных сил. Правда, бывшие в употреблении, но заводятся и тянут, как новые.

Завтра установим на санях полозья, прикрепим дышла, к снегоходам — фаркопы, погрузимся, и в путь! Настроение сразу улучшилось. Все повеселели, охвачены предстартовым возбуждением. Так происходит всякий раз, когда собираешься в незнакомый край, а сейчас особенно, потому как край этот — волнующая сердце каждого россиянина Аляска.

Ой, чуть не забыл: утром Анкоридж очередной раз тряхануло. Да так, что стекла испуганно задрезбезжали. Огненный пояс не дремлет!

На Аляске любой взрослый может, как и во времена колонизации, разгуливать по улицам с кольтом или револьвером на бедре (мы, правда, таковых не видели). Не разрешается заходить с оружием только в общественные учреждения. Василий Данилюк как-то открыл свой оружейный сейф — так там целый арсенал нарезных карабинов, пистолетов и боеприпасов к ним. По мнению Василия, на Аляске нет семьи, не имеющей оружие. И купить его легче, нежели очки. На покупку очков нужен рецепт, а на покупку оружия ничего, кроме долларов. Причем купить можно даже не заходя в магазин — по письменному заказу доставят прямо домой. Представьте себе, что в России ввели подобную вольность! Думаю, скорость падения численности населения тогда бы заметно возросла.

Цены на медицинские услуги вообще какие-то немыслимые: сутки в больнице стоят от трех с половиной до пяти с половиной тысяч долларов. Кого-то выручает страховка, но не все имеют возможность оплачивать ее. «Декретных» для рожениц вообще не существует. Женщина работает до последнего дня, а за сами роды еще придется заплатить пятнадцать — шестнадцать тысяч долларов! Максимум, на что идет

администрация — предоставляет недельный неоплачиваемый отпуск. В то же время имеет место трогательное внимание к инвалидам и старикам. Парадокс! (Любопытно, что в соседней Канаде медицинские услуги оказываются бесплатно: оплата труда врачей и содержание лечебных учреждений полностью лежит на плечах государства.)

Уровень образования до сих пор, невзирая на все старания «реформаторов», уступает российскому. Представьте, в южных штатах многие даже не знают о существовании Аляски. Приехавшие из нашей страны семиклассники по уровню знаний не уступают одиннадцатиклассникам. (В США двенадцатилетняя средняя школа.)

Разница настолько велика, а нравы в американских школах столь низко пали (балуются наркотиками и т. д.), что часть русских (они на Аляске практически все верующие, и для них распушенность неприемлема) обучают детей сами по специально издаваемым для родителей учебникам. Ребенок в школу ходит только для тестирования.

Живущие здесь наши соотечественники переживают, болеют за Россию и радуются каждой позитивной информации с этнической родины. Всего в США проживает около двух миллионов русских. Особенно много их в Нью-Йорке (преимущественно евреи) и Калифорнии. Тут следует пояснить: русскими американцы называют не только россиян, но и всех, кто приехал из стран бывшего СССР. Что интересно, на Аляске к русским относятся заметно лучше, чем в других штатах (видимо, действует историческая память).

Первая ночевка в полевых условиях мне запомнилась надолго в связи с курьезным событием. Под утро, когда мороз особенно крепчает, я почувствовал, как что-то холодное и мягкое устраивается в ушной раковине. Пока сквозь дрему соображал, во сне сие или наяву, это «что-то» начинает грызть мочку. Тут меня охватил животный страх — я стал спешно освобождать руку, чтобы согнать наглого гостя, но он, чувствительно цапнув коготками нежную кожу моего уха, сам выпрыгнул из ушной раковины и был таков. По всей видимости, это была мышка — решила погреться, а заодно и перекусить.

25 февраля

Пользуясь бесконечным добросердечием Сергея Ильницкого и Виктора Семёнова, проехали на их машинах с фургонами по специализированным магазинам и закупили к снегоходам сани, тяги, полозья, канистры для бензина и прочую техническую оснастку. Потом загнали в фургон приобретенные с рук снегоходы (каждый обошелся в полторы тысячи долларов, а за новые просили все тринадцать) и отвезли все это богатство на окраину городка Василла — к дому Данилюка. Сосредоточиться здесь решили потому, как у него очень просторный двор, и находится он недалеко от трассы, ведущей к озеру Биг Лэйк (Большое озеро) — месту нашего старта к мысу Принца Уэльского.

Поскольку купленные снегоходы находились в разных, далеко отстоящих друг от друга селениях, их доставка к месту отняла так много времени, что подготовку техники завершили только к вечеру. Поэтому старт перенесли на утро.

Василий, с пристрастием осмотрев «караван», похвалил:
— Молодцы! Хорошо учинили!

Услышать такую оценку было приятно вдвойне, ибо он сам автослесарь и знает толк в этом деле.

ДОЛГОЖДАННЫЙ СТАРТ

Утром под наблюдением... трех лосей, стоящих на опушке тайги, подступающей прямо к дому Василия Данилюка, загрузили на широкую платформу снегоходы и сани. Расселись по машинам, и Василий с Виктором повезли нас к озеру Биг Лэйк.

Выехав на лед, прицепили к снегоходам сани, загрузили в них снаряжение, провиант, канистры с бензином и вскоре уже мчались по укатанному собачьими упряжками и снегоходами тракту между высоких стен густого, по большей части хвойного, леса вглубь промороженной насквозь Аляски.

Не могу не воспользоваться случаем, чтобы выразить еще раз свое восхищение и бесконечную благодарность живущим здесь соотечественникам. К уже упомянутым именам хочу добавить Сергея Наткина, талантливого строителя и просто большой души человека; Илью Иванова, бескорыстного и добросердечного парня, ориентирующегося, несмотря на молодость, в местной обстановке как рыба в воде; и самого многодетного (у него девять детей!) — Анатолия (фамилию он скромно умолчал). Все они, бросив дела, целыми днями носились с нами. Вели переговоры, яростно торговались ради того, чтобы сэкономить наши деньги, а вечерами во время задушевных бесед щедро делились своим опытом. Глубоко верующие, они живут, придерживаясь принципа: «От дел своих человек осудится. От дел своих человек оправдается».

Жесткий график вынуждал уже со старта держать максимальную скорость. В саях трясло так, что, казалось, позвоночник вот-вот рассыплется, а голова вообще оторвется. Особенно доставалось на участках со сложным рельефом или крутых виражах — на них требовалось немало усилий, чтобы элементарно не вылететь из саней.

Погода по-прежнему балует нас: ясно, мороз умеренный. А в долине реки Юкон (нашей ближайшей цели) по утрам, говорят, за тридцать. Что парадоксально, снег на здешних марях и южных склонах как будто оплавлен солнцем и блестит, словно отполированная сталь. Труднообъяснимое явление. Возможно, это следствие оттепели, а возможно, особенностей солнечного излучения в приполярной зоне.

Через километров пятьдесят над темно-зеленой полосой леса проклюнулись заснеженные зубцы. Вырастая на глазах, они вскоре превратились во внушительный горный массив, тянущийся с юга на север. После унылой монотонности равнины это скопище сияющих под ливнем солнечных лучей громад, увенчанных остроголовыми пиками, потрясало девственной белизной и надменным величием.

На севере проступала сквозь голубую дымку грозная конусовидная махина Мак-Кинли — самая высокая вершина континента (шесть тысяч сто девяносто четыре метра). Обогнув отрог с юга, останавливаемся на ночевку у входа в ущелье, по дну которого течет подо льдом речка Скуэтна. Засыпанные снегом «саночники» (я в их числе) счастливы: наконец-то можно перевести дух, восстановить утраченный от рева двигателя слух, а от выхлопных газов — обоняние, но главное — дать отдых истрепанным мышцам и разболтавшимся позвонкам. А водители снегоходов долго не могут унять мелкую дрожь в руках.

«Стол» накрыли под открытым небом. Остывший воздух упруг и жгуч. Черная бездна манила мерцающими зернышками звезд. Ковш Большой Медведицы, опершись дном на вершину горы, подливал чернил в и без того непроглядную тьму. Но лишь только из-за тучки, прижатой к горизонту, выплывал двурогий месяц, все вокруг преобразилось, ожило.

Сегодня мое дежурство. Встал в шесть часов. Чтобы не проспать, ближе к утру каждые пятнадцать минут включал в спальнике фонарик — смотрел на часы. Ноги в промерзшие трехслойные ботинки с высокими голенищами еле затолкал. Обуваясь, коснулся туго натянутого капронового ската. На меня тут же посыпался поток жгучих кристалликов.

После вчерашней тренировки горелку раскошегарил быстро. Когда снег в котелке наполовину растаял, я увидел, что дно покрылось темно-коричневыми пятнами. Была полная иллюзия, будто снег... подгорел. Невольно принюхался. Опытный альпинист (профессиональный повар в обычной жизни) Алексей Казаченко, заметив мое замешательство, объяснил, что снег здесь очень сухой, и при нагревании между ним и дном котелка образуется воздушная прослойка. В результате железо раскаляется и чернеет. Поэтому снежную кашу необходимо помешивать до тех пор, пока все дно не покроет вода.

К семи часам в затишке между санями аппетитно задымилась овсяная каша. Следом поспело какао. Мерзлый хлеб отогревал на крышках котелков. Завтракая, то и дело растираем нос и щеки — приправленный ветром мороз чувствительно кусается.

Выезжаем ровно в восемь часов. Впереди затяжной подъем на водораздел и спуск к реке Южный Кускокуим.

Тело после вчерашней немилосердной тряски болело так, будто его всю ночь пинали кирзовыми сапогами, но после новых порций «массажа» боль стала отступать, а вот гул в голове, наоборот, нарастать.

Снежный покров довольно глубокий (около метра), но по здешним меркам нынешняя зима из числа малоснежных. Искрящаяся на солнце перина испещрена следами-траншеями лосей, оленей, волков, рысей (последние, благодаря густой меховой опушке на лапах, почти не проваливаются) и продырявлена лунками ночевавших под снегом куропаatok. Больше всех наделили неутомные зайцы. Под поваленными стволами осин пушистая попона истоптана сплошь. Здесь их столовая — кормятся горьковатой, сочной корой.

К ЮКОНУ

Солнце отправляется в свою опочивальню с каждым днем все позже, а встает все раньше. Следуя его примеру, и мы выехали с опережением графика — в семь часов сорок пять минут.

Переваливая через гряды из одной долины в другую, на удивление быстро достигли селения Николай (и здесь русские оставили след!). Морозно. Ни ветерка. Откуда-то сверху, медленно вращаясь, сыпятся блески. Дома в инее, будто серебряные. Дым из труб белыми столбами подпирает чистый небесный свод.

Следующий участок до села Опхир выбил из нас остатки способности воспринимать окружающую красоту. Разжившись еще пятнадцатью галлонами топлива, заночевали на краю села.

Подъехав утром к месту, где трасса разветвляется, долго обсуждали, куда двигаться. Одна ветвь уходила на юг, в сторону Тихого океана, другая — на север к главной, воспетой Джеком Лондоном водной артерии Аляски — к суровому Юкону. Желание увидеть его пересилило все иные соображения.

Надо отметить, что тайга на Аляске хотя и угрюмая, но чрезвычайно богата зверьем. Мы то и дело встречали небольшие стада карibu, пореже — одиночных, уже комолых, сохатых. Несмотря на надсадный рев техники, они подпускали к себе довольно близко. Отбегут метров на тридцать и встанут, взирая с любопытством. Иные быки необычайно крупные. Бывалые промысловики утверждают, что вес некоторых особей переваливает за тонну.

Пухлую перину впереди нас регулярно взрывали искристые султаны — это, с треском хлопая крыльями, вылетали из своих спален куропатки. Их же самих на фоне снега практически не видно — оперение совершенно белое. Под кустами и метелками сухих растений искристая попона зачастую причудливо исчерчена следами кормившихся стай куропаatok.

Глубина снежного покрова с каждым днем растет. Особенно много снега скопилось в распадках и котловинах. На водоразделе его значительно меньше.

Село Руби, рассыпанное по правому берегу главной водной артерии Аляски, реки Юкон, оказалось довольно большим и благоустроенным. Население смешанное. Преобладают алеуты и эскимосы (они по большей части полнотелы, медлительны), есть и индейцы атабаски и тлингиты (эти худощавы, резковаты и менее дружелюбны, к тому же многие пьют).

Здесь с бензином проблем не возникло — заправили под завязку и баки, и канистры. Чтобы не искушать себя соблазном заночевать в тепле обустроенной «жилухи», Костя сразу поддал газу, и мы помчались по обрывистому берегу мимо занесенных снегом домов. Ночевать остановились у скалистого мыса, окаймленного остроконечными елями. Солнце скрылось как раз тот в момент, когда мы поставили палатки, но обугленный горизонт еще долго тлел в огне заката.

Утром, благодаря хрустальной прозрачности воздуха, удалось обозреть с вершины скалы расширяющуюся пойму Юкона далеко вниз по течению. По бокам и впереди, насколько охватывал взор, волновался темно-зеленый, уходящий за горизонт океан, изрезанный белыми извилами притоков, витиеватых стариц и густо испятнанный площадками озер. По нему величаво и торжественно плыли рваные тени облаков.

Следующий поселок, Гелена, приятно удивил городским лоском. Здесь живут преимущественно эскимосы. Рядом с берегом намыта великолепная взлетно-посадочная полоса, стоят три самолета. На берегу самый почитаемый населением объект — АЗС. Дозаправившись бензином и прикупив хлеба, продолжили путь по накатанному мобайлами и санями снежному тракту.

Закованный в лед Юкон, беспрестанно собирая притоки, продолжал раздаваться вишьрь. Горы отступили, очертания вершин смягчились. Там, где река прорезала холмистую гряду, берега вздымались на сто — сто двадцать метров. С них открылась невеселая панорама: засыпанная снегом пустыня, оживляемая лишь редкими деревьями.

Снега все глубже. Лоси тут уже проваливаются по грудь. Сделают несколько шагов и останавливаются не в силах идти дальше. Поэтому кормятся практически на одном пяточке. Больно смотреть на их страдания.

Все чаще встречаем «табунки» белых куропаток. Их простодушие и доверчивость обезоруживают. При приближении они не улетают, а, не двигаясь с места, сидят, повернув голову — небольшой белый шарик на непомерно массивном теле — и искоса, настороженно поглядывают огромной бусинкой глаза на приближающееся «чудовище». Когда мы подъезжаем почти вплотную, начинают моргать и вертеть головой во все стороны — видимо, высматривают путь к бегству. Они, конечно, видят опасность, но страх парализует волю. Мы все ближе. Стая наконец взлетает, но одна парочка достается нам на ужин.

К ТИХОМУ ОКЕАНУ. ПУРГА

На санизираю с ужасом и ненавистью одновременно. С ними ассоциируются боль и постоянное физическое напряжение: чуть расслабился и на вираже или на колдобине летишь в снег. Но приходится терпеть — альтернативы-то нет!

Подъезжаем к месту слияния северной и южной веток тракта Идитароуд. Тут он, покидая долину Юкона, устремляется напрямик к Тихому океану, а дальше по берегу следует до поселка Ном. За ним и до мыса Принца Уэльского недалеко.

Лес практически исчез. Если и встречается, то небольшими куртинками. Совершенно лысые, накрытые белыми холстинами кряжи кажутся безжизненными, но строчки и глубокие траншеи следов выдают присутствие зверей: зайцев, горных

баранов, песцов, овцебыков. Есть даже сохатые. Правда, непонятно, чем они здесь питаются. Вспугнули пышношерстных песцов. С виду неуклюжие, они убежали с недопражаемой грацией.

От мороза и резкого ветра, обжигающего лицо, сбивающего дыхание, из глаз постоянно текут слезы. Они замерзают на усах, бороде, стягивают рот. меховая опушка капюшона, брови, ресницы сплошь в искристом куржаке. От всего этого мы теперь похожи на настоящих Дедов Морозов.

Достигнув морского побережья и проехав вдоль него километров шестьдесят, встали на ночевку. Не успели обустроиться, как при ясном небе на нас с гор обрушилась клубящимся валом пурга. Она будто выжидала подходящий момент — нагрянула, лишь только освободили от снега площадку и принялись разворачивать палатки.

Сильнейший ветер, сгоняя с отрогов густые замесы снега, на глазах заметал расчищенный для лагеря круг. Его напор был столь велик, что по силе его можно было сравнить с горным потоком: чтобы устоять на ногах, нам приходилось держаться друг за друга.

Видя, что дело принимает чрезвычайный оборот, Константин, перекрикивая ветер, командовал:

— Коля, Леха, лопаты в руки! Нарезайте кирпичи! Остальным строить стенку, иначе — труба!

Вот где пригодились две складные лопаты! Николай с Алексеем стали вырезать из спрессованного снега плотные, увесистые блоки, а остальные — складывать их друг на друга с наветренной стороны. Снегоходы и сани поставили (для ослабления натиска) прямо перед возводимой стеной. Но даже под такой защитой каждую палатку пришлось натягивать вчетвером — трепещущее полотнище вырывало из рук, дуги никак не хотели проходить сквозь «бегающие» сетчатые каналы.

Ужин вынуждены были готовить внутри палатки, подпирая спинами трепещущие от яростных порывов капроновые скаты. Из-за бензиновой горелки в палатке вскоре стало трудно дышать. Приходилось периодически приоткрывать полог и запускать вместе с вихрями снега свежий воздух.

Разбушевавшийся буран то выл голодным волком, то по-разбойничьи свистел, то стонал, как раненый медведь, заваливая нас снегом. Ночь тянулась бесконечно. Наверное, так же бесконечно долга и последняя ночь приговоренного к смертной казни...

В голове крутились тревожные мысли и проигрывались наихудшие варианты. Но к утру ветер выдохся, поутих. С трудом выбравшись из убежищ, принялись откапывать палатки — из снега торчали одни оранжевые макушки. К счастью, обещанный сорокаградусный мороз миновал эти места.

Непогода покрыла тракт жесткими полуметровыми гребнями. Мы заволновались — пробьемся ли? Но техника и в этот раз не подвела. Скорость движения, естественно, упала, но как только преодолели узкий просвет меж двух хребтов, высота стоячих наметов пошла на убыль, а километра через три они и вовсе исчезли.

ОТ НОМА ДО МЫСА ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО

Ном — база первых старателей Аляски, по северным меркам — довольно крупный поселок. Своим появлением он обязан золотой лихорадке, охватившей этот край в самом конце XIX века. Именно тогда число его обитателей было рекордным — двадцать тысяч человек. Новое рождение, точнее сказать, возрождение, последовало во времена Второй мировой войны, когда через Ном отправлялась по ленд-лизу в Советский Союз военная техника, в основном самолеты.

По уровню развития инфраструктуры, количеству домов (кстати, весьма приличных) его смело можно назвать городом. Тем более что численность населения в

настоящее время перевалила за шесть тысяч. Тут есть даже памятник собаке породы хаски по кличке Балто. Она была вожаком упряжки, доставившей в 1925 году, преодолев тысячу восемьсот километров, противодифтерийную сыворотку, благодаря которой жители Нома были спасены.

Здесь нам сразу улыбнулась удача, или, как говорят старатели, подвалил фарт. Первый встреченный нами житель городка оказался эскимосом, сносно говорящим по-русски. Звали его Ила. Узнав, что мы совершаем кругосветное путешествие и завтра отправимся к мысу Принца Уэльского, он стал уговаривать Костю переночевать в его доме — хоть и на полу, зато в тепле. Ему очень хотелось узнать о кругосветке из первых уст. Командор, видя, с какой надеждой загорелись наши глаза, смиростивился, отступил от правила спать в палатках.

До поселка Уэйлс добирались, несмотря на безупречно ровный накат вдоль всей трассы, почти двое суток.

Теперь можно было полюбоваться северными пейзажами. Время от времени переводим взор на проем дороги: высматриваем мыс Принца Уэльского, на берегу которого обосновался Уэйлс. Несколько раз ошибочно принимали за него выныривавшие отроги. Застывшее на ветру лицо горит, глаза слезятся. Вокруг суровый, враждебный пейзаж! Непонятно, как тут выживают люди? У подножья обширного скалистого склона проступили заваленные снегом дома, опоры ЛЭП.

Самый западный населенный пункт Америки встретил нас лаем собак и улыбками розовощекой ребятни, идущей из школы. В их темно-карих глазах сквозило жадное любопытство: кто эти одинаково одетые белые?

Поселок представлял собой одну улицу с двумя десятками одноэтажных строений, в которых проживает сто пятьдесят шесть человек. На север от Уэйлса — безлюдная, промороженная пустыня. Дома на метровых сваях. Стены, обращенные к Берингову проливу, заложены до крыши снежными блоками и почти до верха заметены снегом. Вдоль улицы даже днем горят фонари — работает собственная дизельная электростанция. В поселке сухой закон. Туалетов нет: оправляются в плотные полиэтиленовые мешки, которые выносят на мороз. Потом их собирают и увозят на вездеходе подальше от поселка.

Из дома напротив вышли две женщины. Шагали, слегка раскачиваясь, щебеча и весело смеясь. На ногах белые меховые унты, из-под отороченного капюшона выбиваются длинные, цвета воронова крыла с синеватым отливом, волосы. Увидев нас, они замолкли и прошли, настороженно поглядывая. Эта перемена красноречивей слов говорила о том, что мало они видели от белых поступков, вызывающих уважение и доверие.

Когда мы прощались с круглолицым водителем, к нам подбежал молодой загорелый эскимос. Он, с простодушной настойчивостью повторяя одну и ту же фразу, тыкал в сторону единственного двухэтажного дома. Оказывается, хозяин этого внушительного строения американец Дэн (он здесь единственный белый) выкупил мыс и теперь с каждого приезжего собирает дань — сто долларов.

Наше появление сулило Дэну немалые барыши, но мы поспешили отказаться от его «щедрот», а чтобы не платить за землю, свой лагерь разбили прямо на льду Берингова пролива, между заваленных снегом торосов. Представляете, как огорчился хозяин Уэйлса!

Вечерело. Чтобы успеть потоптать вершину мыса Принца Уэльского, мы, не мешкая, полезли на гору.

Залитый нежной позолотой заката снежный покров, звонко похрустывая под сапогами, с каждым шагом истончался. Ближе к макушке он вообще исчез — сдуло ветрами, иссушило солнцем. Каменные струпья покрывала лишь льдистая корка. Чтобы не упасть, последние метры шли, держась друг друга.

Вершина мыса отмечена сложенным из угловатого плитняка туром, увенчанным крохотным крестиком — совсем уж скромно для столь знакового географического объекта. Как-никак самая западная точка сразу двух континентов! На нашем мысе

Дежнева, самой восточной точке евразийского материка, все намного солидней: стоят маяк, барельеф Семена Дежнева и громадный крест!

Поражает сходство названий поселков, стоящих у подножья этих мысов: Уэлен у нас и Уэйлс — у американцев. Можно сказать, однаицовые близнецы. Возможно, и Россия с Америкой по Божьему замыслу тоже задуманы как братья, да что-то никак не сталкиваются между собой.

Вид близкого, но недостижимого краешка российской земли пробудил в наших сердцах ностальгические чувства. Вспомнились родные, отчий дом, друзья... В такие минуты начинаешь понимать тоску по Отечеству, гнетущую почти каждого россиянина, оказавшегося на чужбине.

Потянул ветер. Воздух наполнился бесчисленными кристалликами льда. Они летели, кружились, вспыхивая розовыми блестками в прощальных лучах завершившего трудовую вахту светила. Вот и тучи на горизонте почернели, лишь нижний край над Чукоткой охвачен пожаром: солнце скрылось, но они, подсвеченные снизу, все еще полыхают красными переливами.

Перед сном вышли полюбоваться уже ночной панорамой — когда еще побываешь на краешке материка?! Неожиданно по искристому бархату пробежал бледный сноп. Следом заиграли зеленовато-сиреневые сполохи, похожие на складки гигантского занавеса, покачиваемого ветром. Его извивы то сходились, то расходились, разгораясь все ярче и ярче. Эти волнообразные колебания сопровождались шорохом, потрескиванием и свистом переменной тональности. Когда сполохи охватили половину свода, они внезапно погасли, и небо стало угольно-искристым, но через непродолжительную паузу вновь радужно осветилось причудливо закрученными лентами и вьющимися языками холодного пламени.

Второй день посвятили знакомству с жизнью коренных жителей побережья. В этом хорошо помог бывший учитель со странным для эскимоса именем Рафаэль. Ему уже за семьдесят, но на голове ни одного седого волоса. (Оказывается, эскимосы почти не седеют.) Убедившись, что бизнес нас не интересует, он стал по преподавательской привычке просвещать нас о том, как жили и как сейчас живут эскимосы.

Яранг, накрытых шкурами морских животных, каяков, обтянутых тюленьими шкурами, здесь теперь и в помине нет. Живут в домах, на морскую охоту ходят на лодках с мощными моторами. Песцов и лисиц промышляют на снегоходах. Летом ездят по горам на квадрациклах.

Быт и пристрастия эскимосов в последние десятилетия под влиянием европейской цивилизации сильно изменились. Особенно изменилось их питание. Наряду с мясом в рационе появился сахар, кофе, чай, крупы. Вместо меховой одежды стали чаще применять изделия из текстиля. На смену масляным светильникам пришли электрические лампочки. Вместо сказок и легенд, рассказываемых старухами, спутниковое телевидение.

Зарабатывают на жизнь эскимосы, как и прежде, в основном промыслом морского зверя: моржей и тюленей. Моржей даже зимой у продушин возле припая бьют. Мясо у моржа красное, покрытое толстым слоем белого жира.

ВНОВЬ В АНКориДЖЕ

6 марта

Сегодня на заснеженном озере Уиллоу в тридцать девятый раз стартуют знаменитые гонки на собачьих упряжках Идитароуд. Они считаются самыми экстремальными и протяженными в мире (тысяча восемьсот километров) и в них участвуют представители многих стран, в том числе и России (в 2000 году среди участников

был и Федор Конюхов). Командор разрешил нам поехать с Виктором Семеновым посмотреть на это экзотическое зрелище.

Уже за два километра до озера вся обочина дороги, а далее и вся огромная стоянка были забиты автомобилями, приехавшими со всех уголков Аляски и соседней Канады. Пока искали, где притулиться, пока спускались мимо фургонов с собачьими конурами, пока прорывались сквозь толпу зрителей, первые упряжки уже стартовали.

Их выпускали с интервалом в три-пять минут. В каждой упряжке по двенадцать — шестнадцать собак. В основном голубоглазые хаски, но были и неказистые псы, с виду обычные дворняжки. (Хаски, благодаря густому, пушистому меху, уму и невероятной выносливости, на Аляске в большой цене.)

Запряжены собаки в сани-нарты парами. На ногах мягкие «мокасины» из плотной ткани или мягкой кожи — чтобы не поранить лапы о жесткий наст. В Европе обычно запрягают три, максимум четыре пары, а здесь из-за большой протяженности маршрута приходится запрягать в два раза больше, иначе собакам не выдержать двухнедельной гонки до Нома.

Как только из динамика раздается команда «Старт», погонщик поднимает вдавленный в снег остол (тормоз) с железным наконечником, и собаки уходят с яростным лаем сразу в аллюр. Правда, некоторые сначала бегут с лентой, без азарта, но, размявшись, начинают слаженно наращивать темп.

Всего при нас стартовало тридцать две упряжки. Мчаться им до Нома кому полторы, а кому две недели! Еще и не все добегут! Среди гонщиков, одетых в арктические куртки на меху, разглядел несколько женщин. Одна, совсем молоденькая, с толстыми русыми косами и до того красивая, что даже подумалось: «Не из русских ли?»

Обратно сорок километров до Василлы ползли три часа! Все автомобили тупо выстроились друг за другом в одну многокилометровую колонну, и это при том, что ширина дороги позволяла спокойно ехать в два ряда в обоих направлениях. Но нет — никто никого не обгоняет. Не творческие все же люди эти американцы!

Когда уже въехали в город и пробка рассосалась по улицам, нас тормознул долго сидевший на хвосте полицейский. Он почему-то решил, что мы превысили скорость. Виктор же твердо и уверенно стоял на своем:

— Я ничего не нарушал, ехал четко в соответствии с требованиями знаков.

Поскольку у полицейского не было радара, подтверждающего его обвинение, ему пришлось отпустить нас.

При активном содействии Ильи Иванова десятого марта удачно, всего за две тысячи долларов, купили у наркомана заднеприводный автомобиль «Сафари», выпущенный компанией «Дженерал Моторс» в 1997 году. Чтобы сэкономить «зелень», ремонт решили делать своими силами в любезно предоставленном нашей «палочкой-выручалочкой» Ильей Ивановым теплом гараже.

ВПЕРЕД, В КАНАДУ!

14 марта

Минивэн наконец отремонтирован, и мы покидаем гостеприимный Анкоридж. Впереди тысячи километров заснеженных гор и безлюдных лесов Аляски и Канады, вулканы и каньоны нижних штатов Америки. И лишь в Мексике, а возможно в Гватемале, мы надолго — до самой Огненной Земли — переседем на велосипеды.

Провожать приехали все, кто помогал нам готовиться к долгой дороге. За две недели мы сроднились с этими милыми, добрыми людьми. Сейчас они давали последние советы, просили быть осторожными на обледенелой дороге. Дядя Дима, пока

мы прощались, наносил из кладовки в наш багажник пудов десять тушенки, рыбных и фруктовых консервов. Его сосед, дядя Ваня, добавил к его дарам увесистый шмат сала и пачку географических карт до самой Папуа-Новой Гвинеи. Оказывается, он в молодости мечтал пройтись по Южной Америке, Австралии, побывать на тихоокеанских островах, но так и не собрался.

Машина шла резво, несмотря на то что обзор был ограничен: печка не работала, и намерзающую на переднее стекло изморозь приходилось соскабливать ножом, а остатки оттаивать ладонью.

Асфальт чистый, с бляшками льда на некоторых участках. По краю дорожного полотна косая насечка — как только наезжаешь на нее, так колеса начинают тревожно гудеть, сигнализируя водителю: «Осторожно — обочина рядом!»

15 марта

Особенный день в моей биографии. Во-первых, шестьдесят один год назад я увидел Божий свет, во-вторых, в этот день старшая дочь Ольга подарила нам с Танюшей первого внука (чтобы не обидеть мать, второго она родила в ее день рождения — девятого февраля!). В общем, повод выпить был весьма достойный. В придорожном маркете (вокруг него ни одного жилого дома, сплошь глухая тайга) для вечернего «застолья» я купил две бутылки дорогущего марочного вина.

На улице двадцатиградусный мороз, свирепствует ветер, быстро выдувающий из салона остатки тепла. Чтобы не замерзнуть, навалили в лесу сухостоя и развели костер. Возле огня ничего не страшно, даже зимой. Время от времени, подбрасывая хворост, наслаждаемся теплом.

На наше счастье, машина встала на перевальной седловине, и нам каким-то чудом удалось по сотовому связаться с Ильей Ивановым. Минут через двадцать получаем SMS: «Нашел в Анкоридже бензонасос за триста долларов. Скоро выеду». (Как позже мы узнали, он звонил и механику из ближайшего к нам селения. Тот запросил шестьсот сорок долларов за насос и триста пятьдесят за работу.) Через четыре часа бесценная запчасть была у нас.

Скоро Канада. Едем мимо бесчисленных озер, острозубых хребтов с чуть облесенными склонами. На высоте семьсот — восемьсот метров лес вообще исчезает и голые скалы превращаются в готовые горнолыжные трассы — осталось лишь подъемники установить.

Миновали мощный, весь в глубоких разломах глетчер. На выходе из ущелья он обрывается искрящейся стеной высотой не менее восьмидесяти метров. Одна ледяная башня на наших глазах откололась и, постояв немного, рухнула в долину реки, рассыпавшись от удара на стекловидные осколки. Следом пронесся басовитый гул, а само место падения накрыло облако алмазной пыли. Дальше, в глубине горного массива, просматривалась долина, сияющая девственной белизной. Красотища невообразимая!

Через каждые двадцать — тридцать километров стоят избушки трапперов — охотников на пушных зверей. Над одной из них метался печной дым. Стены этих хижин составлены из вертикально стоящих тонких бревен.

Объехали необычайно крупный горный узел, состоящий из трех расположенных по углам равностороннего треугольника вулканов. Самый массивный и высокий, опоясанный цепочкой полупрозрачных, пухлявых облачков, — спящий Санфорд. По форме он похож на Килиманджаро: пологие подходы и устремленный в небо глянцево-голубой конус, слегка обрезанный сверху. Два других вулкана активные, и сейчас чадят потихоньку. Котловина между ними заполнена льдом. Многочисленные хребты, расходящиеся лучами от этого мощного узла, образуют сложную систему предгорий.

16 марта

Скоро граница. Горы, отступая к горизонту, становятся все ниже, силуэты мягче. Чистые небеса и солнце сияют так, что вверх смотреть глазам больно.

А вон и американские пограничники, таможенники показались. Машут: «Проезжай, проезжай!» Странно... Оказывается, американцы документы проверяют только при въезде. Впереди скромная табличка «Канада», но сам КПП появляется лишь через двадцать семь километров. На нем развеивается бело-красный флаг с кленовым листиком в центре.

Остановились перед знаком «STOP». В окошко выглянул приветливый малый. Он буднично поинтересовался, куда едем, есть ли огнестрельное оружие и сколько дней будем в Канаде. Убедившись, что визы не просрочены, сверил с фотографиями на паспортах наши физиономии и пожелал счастливого пути.

Наш день протекает по незыблемому распорядку. Выезд в 8.00. За рулем сидят попеременно Костя и Илья. Через каждый пятьдесят минут пути остановка на десять минут. Ее используем для поддержания физической формы (пробежки, приседания, растяжки...) В тринадцать часов обязательный двухчасовой обеденный перерыв и снова в путь до восемнадцати часов. Трудовое законодательство свято блюдем! Костя, будучи прилежным учеником четырехкратного чемпиона России по спортивному туризму Николая Рундквиста, считает, что для успеха столь длительной экспедиции самое главное не устраивать гонки и обязательно питаться три раза в день с включением в рацион горячих первых, вторых блюд и салатов из свежих овощей. Последующие месяцы полностью подтвердили действенность такого подхода.

Ровно в 18.00 остановились на оборудованной автостоянке. Машины, въезжая на нее, располагаются по кругу, а центр остается нетронутым. На нем мы и поставили палатки. Вскоре выплыла улыбчивая луна. Вокруг нее красовался белесый обруч — верный признак приближения мороза. При лунном свете сразу оживилась, повеселела округа.

Вчерашнее галó — кольцо вокруг луны — не обмануло, к утру подморозило так, что пока завтракали, на усах выросли сосульки. Всего на прием пищи и свертывание лагеря ушло двадцать пять минут. Что значит мороз! А может, опыт?

Днем прошлись по весьма необычному лесу, выросшему на окраине городка Ватсон-Лейк возле одноименного озера. Это, вообще-то, парк, в котором на бесчисленных столбах и щитах развешаны или прибиты гвоздями десятки тысяч разноцветных табличек, вымпелов с эмблемами предприятий, фамилиями и адресами людей, названиями деревень, городов, компаний, именами любимых, родовыми гербами, автомобильными номерами и т. п.

Этот «лес» пользуется у канадцев огромной популярностью. Они едут сюда со всех уголков страны, чтобы заявить о себе, о своих пристрастиях, о любимом предприятии, о своей семье. Мэр города, придумавший столь оригинальный ход, не пожалел денег на рекламу, и сейчас мэрия, эксплуатируя неистребимую страсть людей ко всякого рода меткам, обеспечила многократный рост доходов местным гостиницам, ресторанам, автозаправкам и заодно пополнение городской казны.

Мы тоже оставили свои «метки» — два вымпела — и сфотографировались на память с флагами России, Краснодарского края, Башкирии и Русского географического общества.

После обеда повалил снег, но мороз не отпускает. Скорость резко упала. Грезим о тех временах, когда спустимся в более теплые широты. Правда, там нас ожидает другая беда — кондиционер-то тоже не работает.

БИЗОНЬЕ ЦАРСТВО

Четвертый день колесим по Канаде. По-прежнему безлюдно. За все дни ультра-мариновое небо ни разу не прорезали следы реактивных самолетов. Да и сама дорога какая-то неживая — хорошо, если одна машина за час встретится.

По мере углубления в Страну кленового листа, ельники густели. На третий день появились мачтовые сосны, задыбились хребты, один круче другого. Могучие ледники, сползая вниз, нагромодили перед собой моренные валы. И звери, поначалу редкие, стали попадаться чаще: то сохатые прошествуют, то карибу пробегут, то горные козы по камням проскачут. Вспугнули даже стаю волков, терзавших лосиху на льду замерзшей полыни.

Когда Костя стал спускаться к ним с камерой, волки неохотно, постоянно оглядываясь (мы даже издали чувствовали злобность их взглядов), затрусили через корытообразную ложбину в сторону густого ельника. Она оказалась заполненной столь пушистым снегом, что звери, не находя опоры, беспомощно забарахтались, погружаясь в белую перину с головой. Это была удивительная картина!

В этих краях индейцы многочисленны. Мужчины с иссиня-черными, как воронье крыло, гривами волос и, несмотря на мороз, без головных уборов. Странно было видеть седоволосых пожилых индианок, восседающих за рулем громадных фордов. Кстати, канадские водители правил не признают — гоняют так, что только свист стоит.

Вдоль дороги примерно через каждые двадцать километров имеются стоянки, обустроенные парой туалетов и контейнерами для мусора. Контейнеры оснащены потайными защелками, чтобы медведи и росомахи не могли поднять крышку и разбросать отходы.

Сегодня ровно месяц, как мы в «поле», но, вопреки статистике, обострений межличностных отношений в команде не наблюдается. Напротив, стали еще дружнее, сплоченнее, организованнее. Притирка прошла быстро и безболезненно. В команде с первого дня царит дух мужского братства и взаимопонимания. Мы постоянно подтруниваем друг над другом. Больше всех почему-то надо мной. И порой так уморительно, что потом долго не можем унять смех.

Разбудил нас в 7.00 жизнерадостный крик «Подъем!». Пока завтракаем, Костя знакомит нас с программой на очередной рабочий день. Перспектива новых встреч и приключений сразу бодрит, повышает жизненный тонус.

Не успели отъехать от стоянки и двух километров, как увидели стадо бизонов. Мы в восторге! Еще бы, ведь был период, когда их практически истребили (если в 1850 году общая численность бизонов составляла пятьдесят миллионов голов, то уже в 1900-м их оставалось всего несколько сотен). А тут — на тебе: стоят, голубчики, спокойно в каких-то двадцати метрах от дороги в клубах пара от могучего дыхания! На нас ноль внимания — уткнули огромные шарообразные головы глубоко в снег и ищут траву. Мы опасливо выходим из машины и начинаем щелкать затворами фотоаппаратов. Бизоны никак не реагируют! Чтобы заставить их приподнять заиндевевшие морды, пришлось всем прыгать, улюлюкать, дружно орать во всю мочь. Эта фотосессия могла длиться бесконечно, но скомандуй Костя: «Поехали!» Вскоре видим еще одно стадо! Снова съемки.

Проехали не больше пяти километров, как на белом холсте перед лесом зачернела уже целая орда с телятами. Поскольку до этого бизоны никак не реагировали на наше присутствие, мы вознамерились подойти поближе. Идем с Костей все же осторожно. Сделав несколько снимков, немного приближаемся — флегматичные бизоны даже головы не поднимают. Опять фотографируем и на пару шагов вперед продвигаемся. Я так увлекся, что не заметил, как вожак заволновался и в тот момент,

когда я снимал на видео теленка, пробивающегося к мамаше по глубокой траншее, ринулся, рассекая снег широкой грудью, прямо на меня.

Слышу: «Камиль, беги!!!» Обернулся и... припустил к машине со скоростью гончей собаки. Все уже сидели в салоне, и Илья, открыв дверь, тихонько ехал, готовый, как только я заскочу, рвать прочь от разъяренного быка.

Бизон почти настиг меня — ощущал это затылком. И тут, сам не знаю почему, выпустил из рук фотоаппарат с тяжеленным объективом. Как позже выяснилось, этот, казалось бы, бессмысленный поступок и спас меня.

Лишь только я влетел в машину, Илья поддал газу, и мы пулей помчались прочь от стада. Пока отпыхивался, ребята рассказали, что бык неожиданно остановился и принялся с яростью топтать копытами что-то черное...

Жаль фотоаппарат, но я больше горевал об утрате бесценных кадров и видео. Утешало то, что «жертвоприношение» все же было не напрасным. В противном случае страховой компании пришлось бы крупно раскошелиться как минимум на мое лечение. После этого остросюжетного случая мы еще много раз видели бизоньи стада, но любовались ими и фотографировали, уже не отходя от машины. А мне Костя вообще запретил выходить из нее.

Мы проехали и прошли по Аляске и Канаде уже четыре тысячи двести километров, а вокруг все бесконечные гряды высоченных хребтов, ущелья и пропасти! Поистине американская и канадская Аляска — горное царство! А панорамы — одна краше другой!

К дороге то и дело подступали парящие наледи: речки промерзли до дна, и вода текла поверх льда и снега. Недремлющий мороз быстро сковывал ее. Намерзая слой за слоем, ледяная броня достигает двух-трех метров в толщину. Но вода все равно находит проход где-нибудь сбоку и вновь заливает округу. Так до прихода тепла мороз и вода будут спорить друг с дружкой.

Через пару часов въехали в городок Форт Нельсон. Закупили продукты, заправились и, с трудом найдя Интернет, отправили на сайт РГО очередной отчет с фотографиями. На ночевку остановились в лесу за городом.

Следует отметить, что таких кондовых лесов, как в Сибири, мы здесь пока не встречали — одни тонкомеры. Максимум — в один обхват.

После ужина заполняли тесты, отвечая на несколько сотен (!) самых разных вопросов. Андрей сводит наши ответы в таблицы для анализа. Не исключено, что через несколько лет мы будем присутствовать на защите его диссертации на тему «Динамика изменения психологического и физического состояния людей при больших нагрузках». Для чистоты научного исследования отвечать стараемся предельно честно.

ЧЕРЕЗ КАНЬОНЫ К ВАНКУВЕРУ

Небесная канцелярия ровно месяц баловала нас ясной, солнечной погодой, но, увы, мир устроен так, что все рано или поздно кончается. Сначала резко потеплело: напоззли влажные весенние облака, и даже в палатку проник хмельной, волнующий аромат отмякающей хвои. А потом задул, вздымая струящуюся поземку на высоту человеческого роста, накопивший силенок ветер. И вот уже третий день мы, практически в одиночестве, рассекаем под его тоскливый вой ребристые сугробы, наметенные на дороге. Временами видимость почти нулевая. В такие моменты останавливаемся, чтобы не улететь под откос. Иногда за счет скорости удавалось вырваться из объятий снежной круговерти, но она каждый раз настигала нас.

Едем по Канаде уже восьмой день. Чем ниже спускаемся, тем гуще становятся леса, выше и мощнее деревья, тоньше снежный покров. Сегодня даже видели участки

с проталинами. На них крохотными солнышками горят подснежники — нетерпеливые храбрецы, рвущиеся навстречу теплу и свету.

Если вчера наш путь пролегал по местам, напоминающим Валдайскую возвышенность в зимнюю пору, то сегодня совершенно иная картина. Грандиозные каньоны следуют один за другим, и каждый поражает своей мощью и затейливостью «фортификационных» сооружений. В них на дне безветренно, а сверху ласково припекает солнышко. В общем, благодать!

В восемь утра с некоторой грустью покинули уютную стоянку, оборудованную с любовью к путникам на берегу озера, закованного в толстый, потрескавшийся от морозов голубоватый лед. Оно вытянулось по дну необычайно узкого каньона Марбел, склоны которого покрыты скалистыми «шттыками».

На этой стоянке предусмотрено все, что необходимо для отдыха и ночевки путников: столы со скамьями, очаги, площадки для палаток, туалеты и даже ручной насос для воды.

Покинув каньон Марбел, мы вскоре въехали в более глубокий и внушительный каньон Фрасер. Здесь уже всю властвовала весна: талые воды рыли ходы, подтачивая снизу сугробы; деревья, обласканные теплыми лучами, наполняясь соком земли, густели. Прелую листву пронзила щетина зеленых ростков.

Размеры и невероятно сложный рельеф каньона до такой степени поразили нас (глубина более километра, ширина — около двух), что командор остановил машину и, выбежав на край склона, с азартом принялся фотографировать. От него еще резвей во все стороны побежали отдохавшие в кустах среди высокой травы олешки, очень похожие на сибирских косуль. Один, похоже, новорожденный, олененок запутался в тесемках прошлогоднего травостоя, упал и, в ужасе прижавшись к земле, затаился.

Рыжеватая вершина каньона упирается в остро заточенный скальный гребень поперечного хребта, а дно затянуто лесом, преимущественно хвойным. Под его пологом глубоко внизу гремит, ворочает камни, кидаясь, как зверь, от одного берега к другому, стремительный белопенный поток, принимающий из боковых, высоко нависших ложбин и расщелин жемчужные дуги водопадов.

Дорога шла посреди левой щеки каньона. Поскольку его склоны сложены из довольно рыхлых осадочных пород, оползни, уносящие в речку многометровые участки дороги, здесь обычное явление. На одном из таких участков дорожники как раз вели восстановительные работы. Уже отсыпали новое полотно, укрепили его бетоном и готовились к асфальтированию. Окажись мы здесь двумя днями раньше, пришлось бы разворачиваться и добираться до Ванкувера по объездной, более длинной, автостраде.

В самой широкой части этого, довольно протяженного каньона расположен городок Лиллоет — весьма крупный для здешних мест населенный пункт. Микроклимат в нем благодаря окружающим его высоким горам настолько мягкий, что здесь благоденствуют даже виноградники.

Застройка, как и в других селениях Аляски и Канады, хаотичная, не имеющая ничего общего с европейской, где непременно имеется исторический центр, от которого отходят четко спланированные улицы. Здесь дома стоят, как попало, без системы. Да и сами здания какие-то неосновательные, несуразные по форме. Из-за отсутствия сараев хозяйственная утварь разбросана по всему «двору». Особенно портят вид старые, догнивающие под открытым небом ржавые автомобили.

За городом нашему взору предстала еще одна незабываемая панорама: овальное озеро в зубчатой раме скал. В тихой, недвижимой воде отразились и жили одной семьей и голубое небо, и пухлые облака, и скалистые шпили, и корабельные сосны, и белокрылые чайки. Но особенно впечатлял цвет воды в озере: сочно-изумрудный, как бы светящийся изнутри.

В долине мы долго петляли среди полей с кучами навоза, лугов с огромными стадами коров, выводками гусей, табунами ухоженных лошадей. На полях стоят, как

когда-то и у нас в Союзе, системы полива на колесах. На самых высоких сооружениях (обычно, это силосные башни, выкрашенные в черный цвет) трепещут на ветру государственные флаги.

Через километров тридцать долина стала сужаться, и нам пришлось взбираться еще на один перевал, но уже менее высокий. После него до самого Ванкувера ехали по берегу узкого фиорда, с рассыпанными по его волнистой лазури лесистыми островками. Тоже весьма живописное место. Не случайно в этих местах в 2010 году проходили XXI зимние Олимпийские игры.

И вот настал долгожданный миг: выезжаем на берег широкого залива, с которого открывается вид на столицу Западной Канады — город Ванкувер. Это довольно крупный мегаполис — километров пятьдесят в диаметре, рассеченный полноводной рекой Колумбия. Первое, что бросается в глаза — толпа серых небоскребов с нечеткими из-за сизой дымки над городом силуэтами. Левее, на юго-востоке, над синеющими вдали хребтами ослепительно сияет вершина вулкана Бейкер. Там уже территория США. Это первый вулкан из числа семидесяти, на которые нам предстоит подняться и описать для ученых-вулканологов.

Чтобы не заезжать в центр, реку пересекли по северному мосту (странно было видеть посреди города десятки плотов) и поехали по малозатраженной окраине. Здесь нам следовало разыскать специализированный спортивный магазин и закупить альпинистское снаряжение, или, как выразился наш самый титулованный скалолаз Алексей Казаченко, — «железо»: кошки, карабины, веревки, альпенштоки, ледорубы.

Мы так долго плутали по улицам, что, когда нашли магазин, он закрывался. Наши мольбы задержаться и отпустить товар на продавцов не возымели действия. Один из них показал на часы и покачал головой: «Экскьюз ми!» Но нет худа без добра — пришлось остановиться в гостинице, а это было как нельзя кстати: мы две недели не видели душа, а снятые носки уже стоят, как кремлевские часовые.

США. ВУЛКАН БЕЙКЕР

Сегодня пересекли «нижнюю» границу между Канадой и Соединенными Штатами Америки.

Американские пограничники, узнав, что мы идем кругосветку, сначала долго изучали материалы про нашу экспедицию в Интернете на сайте РГО (по версии на английском языке), потом проверяли документы на машину, дотошно исследовали записи в наших дневниках. Затем вновь засели за компьютеры. Тут я, честно говоря, струхнул: опасался, что всплывет не оплаченный на Аляске штраф. Но, слава богу, пронесло!

Через час, не найдя ничего подозрительного, офицер поставил в наших паспортах штампы о въезде. Обрадованные, мы заскочили в машину и помчались к Бейкеру — одному из самых активных и высоких (три тысячи девятьсот семьдесят шесть метров) вулканов Каскадного хребта.

В долинах уже по-летнему тепло. Деревья в зеленой дымке — из почек наполовину высунулись смолистые пахучие клювики. По мере набора высоты холодало. Дорога петляла сквозь хмурый обомшелый хвойный лес. Удивляло то, что здешние лесники его не чистят — весь завален буреломом. (А может, и правильно, что не чистят, ведь в природе все должно идти своим чередом, по ее, а не нашим законам.)

Вскоре появился снег. Чем выше поднимались, тем толще становился его покров. На площадке, предназначенной для внедорожников, доставляющих на гору снегоходы и безбашенных чернотрассочников, он уже достигал трех метров. Тут и заночевали. Отсюда вершина Бейкера отлично просматривалась.

Утром вышли уверенные в том, что до кратера доберемся за часа четыре. Первые пятьсот метров шагали по накатанной снегоходами и лыжниками тропе среди мощных и высоких, как на подбор, елей и канадских сосен. Когда она рассыпалась на одиночные следы, идти стало намного трудней: склоны крутые, а снег все пышнее и глубже. Надежды на наст не оправдались — перед нашим приездом несколько дней валил обильный снег, и теперь он лежал пухлым одеялом. Вскоре пришлось тропить поочередно. Когда встали на обед, все повалились на «пенки», как подкошенные — до того с непривычки устали. Лишь дежурный Илья стойко возился с горелками и котелками.

Тем временем небо затягивали свинцовые тучи, атмосферное давление заметно упало. Все говорило о приближении ненастья. Повалил снег. Стало очевидно, что до вершины сегодня не дойти. Чтобы случаем не накрыло лавиной, палатки поставили под отвесной, с отрицательным уклоном, стеной. Спали после такой мощной физической нагрузки, как убитые. Не мешали даже оглушительные хлопки, издаваемые капроновыми стенками нашего убежища при порывах ветра. Вскоре нашу палатку замело и так обжало снегом, что вой ветра едва пробивался.

Утро одарило ясным небом, слепящим солнцем. Из-за выпавшего за ночь снега, идти стало еще тяжелее. Чтобы не терять темп, впереди идущих сменяли каждые пять минут. Вдруг, как это часто бывает в горах, откуда-то опять налетела армада черных туч, извергающих хлопья снега, и на глазах все затопила в молочной мути. Лица залепляло рыхлой маской. Мне, единственному очкарику в нашей команде, приходилось то и дело останавливаться, чтобы протирать стекла. Снег валил так густо, что, казалось, вдохни полной грудью и захлебнешься пухлявыми хлопьями.

Запахло сероводородом. Дышать стало еще труднее. Когда проходили мимо парящих едким газом фумарол, спазмы перехватывали дыхание, и приступы кашля сгибали пополам. Пар от дыхания и фумарол инеем оседал на одежде, бороде, бровях. Вскоре все побелели, словно облачились в маскировочные халаты.

Временами снегопад становился настолько густым, что в десяти метрах уже ничего не было видно. Звуки гасли, очертания предметов искажались до такой степени, что скалы превращались то в громадное дерево, то в какое-то чудовище. Даже впереди идущий терялся порой из вида.

Я брел в хвосте. В одном месте неловко поскользнулся и, пытаясь сохранить равновесие, ступил в сторону, а там — пустота! ...Открыл глаза — перед носом синеватые грани льда. Все ясно: угодил в разлом глетчера. С трудом протиснув руку, расковырял снежный ком над головой. Край трещины вижу, но дотянуться до него не могу. Стал кричать. Минут через десять появились сначала Леха, за ним и Костя. Не дождавшись меня на гребне, они вернулись по следу. Когда я с их помощью выбрался из ледяного плена, Костя сунул мне под нос громадный кулак и сказал:

— Говорил тебе: иди посередине цепочки!

— Так я же, чтобы вас не задерживать.

— Ты понял?! Повторять больше не буду!

Заглянув в расщелину, я перекрестился: будь она глубже, мог и ноги переломать.

Впереди показался громадный снежный надув. Непонятно было, как эта многотонная махина до сих пор не рухнула. Заходить под нее было страшновато, но делать километровый крюк не хотелось. Пока шли, я все бормотал: «Всемогущий, спаси и сохрани!»

Обедать устроились под скальным козырьком, надежно защищающим от периодически летящих вниз камней и осколков льда. В темпе поев, продолжили подъем. Вершина возникла столь неожиданно, что мы на всякий случай прошли сквозь снежную мглу еще дальше и вернулись, когда поняли, что идем уже вниз.

Радость от восхождения омрачилась тем, что снежная завеса не позволила сделать качественные снимки кратера. Они получились смазанными, нечеткими.

МЫТАРСТВА В НЕПОГОДУ

Третий день, как спустились с белоголового Бейкера. Держим курс на Сиэтл (штат Вашингтон). Поскольку достичь его до вечера не удалось, лагерь разбили на лесистом склоне метрах в двухстах от озера, под звонкий аккомпанемент голосистых лягушек. (Наши поют мягче и мелодичней. Здешние же так пронзительно, что порой петуха дают.)

В Сиэтл въехали в десять утра. Город вытянулся с севера на юг по берегу узкого фиорда. Центр, как обычно, забит небоскребиками местного пошиба. А в целом город малоэтажный, уютный, с преобладанием частной застройки. Пробок нет: дороги с двух- и четырехъярусными развязками, подземными тоннелями, скоростными эстакадами.

После вылизанного Сиэтла направились на юго-восток, где маячил самый высокий на Каскадных горах стратовулкан Рейньер (четыре тысячи триста девяносто четыре метра). В число семидесяти, которые мы должны обследовать, он не входит, но Костя все же решил осмотреть и его.

Проехав два часа по заросшим непроходимым лесом отрогам упираемся... в шлагбаум из толстенной ржавой трубы. Возвращаемся и поднимаемся по следующей, параллельной первой, дороге. Там тоже шлагбаум. Находим на карте еще одну гравийку, но и там проезд закрыт. Зато полюбовались возле него на многочисленное стадо виргинских оленей, очень похожих на дальневосточных изюбрей. Особенно впечатлили их ветвистые рога. На нас олени смотрели с изумлением. Видимо, люди редко заглядывают в эту глушь.

Ночь настигла на пути к четвертой гравийке. Утром возобновляем попытки подъехать к вулкану, но на высоте тысяча семь метров вынуждены были вновь отступить — машина не смогла пробить колею в оледеневшем снеге. Ко всему прочему, склон на этом участке крутой, а дорога столь узка, что легко соскользнуть в пропасть, настолько глубокую, что шум порожиистой речки едва доносился снизу.

Так и не увидев скрытый низкой облачностью и непрерывно сеющей моросью Рейньер, поехали на юг с целью пробиться к одному из красивейших вулканов Америки — Святой Елене. В 1980 году он потряс округу мощнейшим извержением, изуродовавшим идеальный конус и выбросившим столько лавы, что образовался ступенчатый кратер глубиной шестьсот метров. При извержении погибло шестьдесят два отказавшихся эвакуироваться местных жителя.

Сей «агрессор» тоже вне графика, но как не воспользоваться возможностью заглянуть в преисподнюю? Попытка подобраться с запада не увенчалась успехом ввиду того, что дорога была разрушена мощным селем и завалена сотнями свежешошуренных стволов. Спустившись под проливным дождем в долину, попытались приблизиться к Святой Елене с востока — тоже безуспешно.

Осадки преследуют нас все последние дни. С дождем ложимся, с дождем встаем... Деревья и камни от постоянной в этих краях влаги обомшели до такой степени, что не только стволов, но и ветвей не видно — все скрыто под космами мхов и лишайников. Берендеево царство! От дождя нет спасения даже в палатках. Вещи настолько пропитались влагой, что из них можно отжимать воду. Как-то в разрыв низких туч брызнул было сноп света, мы обрадовались, однако через минуту и он погас. Сразу после завтрака под проливным дождем покидаем негостеприимный штат Вашингтон и въезжаем в штат Орегон.

Переехав через реку Колумбия по длиннющему двухъярусному мосту, мы без остановок проследовали к штату Калифорния, где расположен вулкан Лассен-Пик (три тысячи сто восемьдесят семь метров). На него мы обязаны подняться, какие бы трудности ни пришлось для этого преодолеть: он входит в утвержденный РГО перечень.

На обед съехали на громадную, хорошо оборудованную автостоянку. Поскольку наконец прояснилось, разложили прямо на асфальте пропитавшиеся влагой за неделю непрерывных дождей одежду, палатки, спальники. Люди подходили к нам, интересовались, кто мы и откуда. Самые любопытные разглядывали разбросанное снаряжение. Узнав, что мы из России, начинали расспрашивать, чем здесь занимаемся, куда направляемся. Тон общения дружелюбный, заинтересованный. Одна семья даже попросила разрешения сфотографироваться с нами.

ВУЛКАН ЛАССЕН-ПИК

Целый день потратили на то, чтобы подобраться к основанию многовершинного вулкана Лассен-Пик (три тысячи сто восемьдесят семь метров), одного из крупнейших лавовых куполов на Земле. Для этого проехали по северу штата более двухсот километров, успев за четыре часа побывать и в зиме с мощным снежным покровом под сенью калифорнийских сосен, и в весне с цветущими фруктовыми деревьями, и в жарком лете.

В лесистых предгорьях Лассен-Пика еще вовсю царствовала зима. Снежный покров в четыре-пять метров! Последние километры ехали будто внутри белостенного тоннеля. Каков снежный покров наверху — узнаем завтра. Прогноз, правда, расстроил — пообещали снег с дождем. И точно, утром нас разбудил дробный стук дождя. Невзирая на непогоду, сразу после завтрака отправились к белеющему вдали куполу. Что интересно, дождь сразу прекратился. (Я давно заметил, когда не боишься, рискуешь, препятствия сами отступают.)

До кратера десять километров заваленных снегом предгорий и полтора километра подъема непосредственно к жерлу. Кругом ни души. В эту пору сюда заходят на лыжах лишь рейнджеры парка.

По жестким снежным надувам с утра шло легко, но чем выше поднималось солнце, тем податливей и рыхлей становился снег. Он все обильней налипал на протекторы сапог, превращая их в пудовые гири. Приходилось то и дело останавливаться и сбивать налипшие комья.

Вскоре снег так размяк, что стали проваливаться по пояс (глубже не давал рюкзак). Чтобы не терять темпа, один из нас, как всегда, шел впереди и пробивал дорогу. Устав, он отходил в сторону, и его место занимал идущий следом. Так и торили по очереди.

Когда настал мой черед, я особенно глубоко осознал, каково это — идти первым, когда под тобой несколько метров податливой массы (на Бейкере снег был не такой глубокий). Только поставишь на снег ногу, как проваливаешься по самый пах. Упираясь руками, с трудом вытаскишь ее наверх, но при следующем шаге то же самое происходит со второй ногой.

Прокоряя шаг с сотней метров, я взопрел, мышцы ног загудели от напряжения, но стараюсь, иду. Тут еще встречный ветер выжимает слезу. Костя, видя, что я «буксую», отправил меня в «хвост колонны» и сам встал впереди. Он так и шел то за себя, то за меня. Крепкий мужик!

Каждая ходка выматывала до такой степени, что, как только звучала команда «привал!», все падали на снег, словно подрубленные. Не знаю, как ребята, а я, распластавшись на пушистой перине, испытывал такое наслаждение, что на ум пришла парадоксальная мысль: «Даже ради того, чтобы ощутить подобное удовольствие от отдыха, стоит ходить в горы!»

К реальности возвращает Костин голос: «Готовность — одна минута!» Все, конец блаженству! Надо успеть застегнуться, скрутить и приторочить «пенку», надеть рюкзак и быть готовым месить снег следующие полчаса. О-оо, ма-ма! За что такое наказание?!

И за время следующего перехода еще не раз спрашиваешь себя:

— И чего тебе, старый дуралей, дома не сидится?

Причин на то несколько. Главная, как мне кажется, в том, что в походах и экспедициях, особенно длительных, начинаешь ценить простые, не замечаемые в повседневной жизни вещи. Ведь когда с месяц ползаешь по тайге, то ломоть свежеиспеченного хлеба превращается в невиданное лакомство, а обычный квас — в божественный напиток! Потом, что еще может пробудить столько эмоций, как бег наперегонки с бизоном; вид России и Берингова пролива с мыса Принца Уэльского или летящие на тебя из жерла кратера раскаленные докрасна бомбы?!

Проходя через распадок меж двух отрогов, увидели первые предвестники вулканической активности — бьющие из земных недр клубы пара: «Лассен-Пик дышит!» Подойдя ближе, приступаем к детальному обследованию фумаролы. Снег здесь не задерживается и на обнаженной земле хорошо заметны желтые кристаллы серы, обрамляющие места выхода газа. В понижениях бурлит, пузырится горячая жижа. Неподвижный воздух густо пропитан запахом сероводорода. Едкий газ раздражает носоглотку, и вскоре нас начинают сотрясать приступы кашля.

Николай, нанеся на карту местоположение фумаролы, обвязывает лицо по глаза шарфом и мужественно начинает измерять электронным термометром температуру грунта. «Плюс восемьдесят два, плюс восемьдесят пять, плюс девяносто шесть градусов по Цельсию», — сообщает он и тут же заносит в таблицу полученные данные. Через несколько минут измерения завершены, и мы спешно покидаем заполненный ядовитым газом распадок.

На плато, предшествующее конусу, поднимались по довольно крутому скату с оголившимися из-за сошедших лавин участками. На многослойном срезе снежного покрова было видно, что в последний снегопад навалило сразу восемьдесят сантиметров. Теперь понятно, отчего тут так много свежих лавин.

Чтобы не угодить под лавину, Костя повел сразу вверх. Вот где я чуть не отдал концы. Тут к глубокому девственному снегу прибавилась крутизна. Перед самым выходом на плато пришлось идти под хищно загнутым снежным надувом. Все нервничали: казалось, еще мгновение, и вся многотонная масса рухнет и вобьет нас в снег, как молоток вбивает гвоздь в доску. Эти метры показали сродни вечности. Пройдя их, мы почувствовали себя героями, дерзнувшими глянуть в лицо смерти.

После непродолжительного отдыха пересекли плато и ринулись на штурм последнего крутяка, завершавшегося террасой, кольцом опоясывающей Лассен-Пик. Здесь глубокая рыхлая снежная перина окончательно dokonала меня. Когда остановились на ночевку, я первые минуты не в состоянии был даже пошевелиться.

Лагерь обустроивали в лучах заходящего солнца, при набирающем силу ветре и крепчающем морозе. Чтобы защититься от его пронизывающих порывов, нарезали лопатой снежных кирпичей и выложили дугообразную стенку. Но ветер был столь силен, что дежурившему Лехе пришлось, в дополнение к ней, вырыть пещерку для горелок — иначе пламя задувало.

Хотя тент палатки всю ночь бухал, как бубен шамана, я спал, точно младенец. Не мешали даже рваные очереди громоподобного храпа Ильи (он начинает «курлыкать» сразу, как только принимает горизонтальное положение).

Подъем на вершину начали в восемь утра. Голый, почти километровой высоты склон покрывал жесткий, блестящий на солнце фирн*. Подниматься с помощью ледоруба было неудобно: скат до того крутой, что при каждом замахе возникал риск

* Фирн (нем. Firn) — плотный, зернистый снег, образующийся в горах выше снеговой границы вследствие давления вышележащих слоев, поверхностного таяния и вторичного промерзания воды, просочившейся в глубину.

опрокинуться. Поэтому, прицепив их к поясу, просто ложились на склон и с размаху вонзали в плотный снег торцовые зубья кошек, надетых на горные ботинки. После этого подтягивали одну ногу к себе и, вбив зубья кошки в фирн, «выталкивали» тело вверх для следующего «шажка». Так шаг за шагом размеренно ползли к кратеру с редкими остановками для отдыха возле торчащих кое-где останцов* — они хорошо защищали от ветра и не давали сорваться вниз.

Поначалу я шел наравне со всеми, но где-то посреди склона стал отставать. В какой-то момент показалось: все, дальше не смогу! Прижавшись к льдистой стене, оглядываюсь назад: там белая бездна, а в самом низу скалы. Понимаю: отступить некуда! Очередной удар ботинком и еще тридцать сантиметров позади. Когда силы вконец иссякали, прижимаюсь к снегу и надолго замираю, погружаясь в полусонное блаженство. Но вскоре в действительность возвращает далекий голос сверху. Это Костя кричит, пересиливая ветер:

— Камиль, ты сильный, не останавливайся! Иди! Ты поднимешься!

Становится стыдно оттого, что чуть не поддался слабости, что ставлю под угрозу судьбу экспедиции, и делаю следующий шаг. Иду. Но каждый последующий шаг — это преодоление себя.

Наконец склон стал выполаживаться, и мы выходим на лавовый купол. Справа скалистый пик, на котором установлена автономная метеостанция, питающаяся от солнечных батарей. Прямо перед нами — кратер, окруженный зубчатой короной — следствие мощного взрывного извержения в 1915 году. Вдали разбросаны в беспорядке заснеженные конусы более низких вулканов. Между ними белые плоскости озер и цирков. Ниже зеленеют долины.

Пока Николай определял лазерной линейкой размеры кратера, Андрей измерил у нас оксиметром количество кислорода в крови и пульс. Конечно же, сердце тарыхтело на повышенных оборотах, но это естественно — высокогорье!

Нередко можно услышать: «Они покорили горную вершину!» Экий абсурд! Как может человек покорить каменного исполина?! Он как стоял миллионы лет, так и будет стоять. На него можно только подняться, да и то, если гора пустит.

Во время спуска вошедший в азарт Илья поскользнулся и покатился по зеркальному склону прямо на торчащие камни. Мы застыли в ужасе. Но наш богатырь сумел извернуться и с размаха засадить ледоруб в плотный фирн. В итоге он отделался ссадинами.

Путь от базового лагеря до машины занял всего три часа. Здорово выручил мороз — он превратил верхний слой подтаявшего вчера снега в прочный наст. Так что шагали по нему, как по асфальту. Подойдя к «Сафари», увидели на лобовом стекле конверт с официальными реквизитами. Это было письмо от рейнджера парка Мелании Стойберю со словами благодарности за посещение Национального парка и пожеланием успешного прохождения всех этапов экспедиции. Она сообщала также, что сотрудники парка с интересом следят за нашим продвижением по сайту РГО. Приятно!

Просушив на солнце термобелье, перчатки, носки, палатки направились в сторону уважаемого Сакраменто — столицы штата Калифорния. К моей радости, самые крупные города этого штата (Сан-Франциско и Лос-Анджелес) не входят в утвержденный РГО маршрут — у меня аллергия на подобного рода «муравейники».

СТРАНА КОНТРАСТОВ

5 апреля

Миновало сорок пять дней со дня старта экспедиции. На снегоходах и лыжах пройдена Аляска, на автомобиле — Канада, штаты Вашингтон, Орегон, Калифорния,

* *Останец (геол.) — обособленно стоящая возвышенность, представляющая собой уцелевшие от разрушения остатки некогда более обширной территории.*

совершенно восхождения на два действующих вулкана. Всего за плечами нашей команды уже более девяти тысяч километров и весомый объем фото- и видеоматериалов.

Покинув млеющий в неге лета Сакраменто, долго поднимались по берегу порожистой речки на очередной горный массив — острозубый хребет Сьерра Невада высотой более трех тысяч метров. В итоге из лета опять угодили в зиму: метровый снежный покров, мрачные, холодные ущелья, утыканные скальными обнажениями непроходимые ельники.

С самого высокого на сегодняшний день перевала (три тысячи семьдесят пять метров) открылся вид на живописное, бирюзового цвета озеро Тахо, примостившееся между отрогов, испещренных лентами горнолыжных трасс. Здесь самые фешенебельные и популярные среди горнолыжников курорты Соединенных Штатов.

Панорама живо напомнила Южный Урал: те же лесистые горы, озера, подъемники. Воспоминания о родном крае всколыхнули сердце, пробудили носталгические чувства, подступила тоска по семье. Мельком глянул на своих товарищей: не заметил бы кто, как от пробежавших в голове мыслей почему-то защипало в глазах, засосало под ложечкой...

Дальше хребет, постепенно понижаясь, образует хорошо развитые лесистые предгорья. Проехав всего с десятков километров, мы в недоумении завертели головами — было ощущение, будто попали на другую планету. Густые хвойные леса за несколько минут сменились колчужными кустарниками и пучками всклокоченной травы. Вместо заснеженных громад — лысые, бурого цвета холмы. Немного погодя эту безрадостную картину усугубили поля безжизненных солончаков. Мы никак не могли прийти в себя от столь разительных перемен. Все объяснил щит у дороги: «Штат Невада».

Под вечер, слева, километрах в трех от дороги, увидели желто-коричневый кряж с необычайно плавными гребнями. Он резко контрастировал с соседними: мрачными и клыкастыми. У его подножия угадывались силуэты фургонов и внедорожников. Поскольку подошло время подумать о ночевке, мы решили присоединиться к ним и заодно вблизи осмотреть необычный массив.

Оказалось, что это гигантская дюна из чистейшего песка высотой около ста метров и длиной километра два. По ней на квадрациклах и сноубордах лихо носились вверх-вниз, вздымая золотистые шлейфы, ребята и девочки. Из текста, размещенного на информационном щите, следовало, что это самая высокая дюна Америки и называется она Санд Моунтэйн. Мне доводилось гонять на джипе по барханам в Арабских Эмиратах, но их высота не превышала семидесяти метров.

Одолев за день немногим более трехсот километров, мы побывали и в субтропиках, и в горно-таежной зоне, и в пустыне, и на солончаках! В некоторых местах встречали такое разнообразие красок, что казалось — таких интенсивных и контрастных сочетаний цветов в природе не бывает. Ан нет! Еще как бывает!

6 апреля

Вчера еще ехали по пустыне наперегонки с катящимися шарами, называемыми у нас «перекати-поле», а сегодня — среди снегов по высокогорному плато. Неввероятно! Едем-то к экватору! Правда, когда спустились с трех тысяч метров до двух, снег пошел на убыль, а вскоре и вовсе исчез. Тут уже появились первые предвестники Гранд Каньона — самого знаменитого, после Ниагарского водопада, природного объекта Северной Америки, вытянувшегося с севера на юг по штату Аризона на четыреста пятьдесят километров. Его ширина местами превышает десять километров. Примыкающие боковые каньоны, конечно, поуже. А издали — просто обширное каменистое плато, но стоит подъехать поближе, как перед тобой разверзается бездна!

Стены каньона затейливо «застроены» исполинскими замками, сторожевыми башнями, шпилями, куполами, пещерами, зубчатыми крепостными стенами. К ним примыкают плотно составленные конусы, похожие на «вулканчики», рассеченные

потоками желто-красной лавы. А дно каньона живописно заставлено, где столбообразными островами, где пиками скал, меж которых течет река.

К самому Гранд Каньону подъехали, когда смеркалось. Его уже заполнила сумеречная мгла, и наши фотообъективы не смогли запечатлеть неземную красоту этой бездны.

Следующий день решили посвятить знакомству с этим чудом природы и отснять каждый доступный взору уголок.

Заехали в Феникс (символическое название для города, сумевшего вырасти на столь бесплодной земле) в надежде обзавестись картами Мексики. После гнетущего безлюдья и безжизненных пейзажей этот городок показался нам самым зеленым, жизнерадостным и многолюдным оазисом на Земле. Что интересно, хотя было весьма прохладно, многие жители разгуливали по улицам в шортах и безрукавках.

Безрезультатно обойдя книжные магазины, завернули в сквер перекусить на открытой террасе. Напротив нее, за витиеватой кованой оградой просматривался дворик со старинным двухэтажным домом из красного кирпича. Перед ним на брусчатке стоял элегантный экипаж, запряженный двумя лоснящимися рысаками. Но нас больше заинтриговали три дамы в одеждах XIX века. Они о чем-то оживленно беседовали, то и дело поглядывая на нас в монокли. «Какие милые чудачки», — подумал было я, но, приглядевшись внимательней, сообразил, что это актрисы, а дом, по всей видимости, музей. Разбираемые любопытством, прошли в ворота. Читаем вывеску. Точно! Музей быта среднего буржуа. А эти дамы в старомодных платьях — экскурсоводы.

Заинтригованные достоверностью образов, купили билеты и в сопровождении двух чопорных старушек вошли в особняк по парадной лестнице. Прихожая оказалась слабо освещенной, и к тому же завешенной мрачноватыми картинами. По лестнице из мореного дуба поднялись на второй этаж. Здесь света было в достатке. Идя по коридору, мы ненадолго заходили в каждую комнату. В одной из них затянута в корсет дама обучала девочку нотной грамоте и игре на фортепиано. В детской спальне, на полке, стояли простенькие, непохожие на наши деревянные игрушки. В основном это пышно разодетые куколки, паровозики, фургончики. Мимо нас то и дело со смехом пробегала малышня в костюмчиках и платьицах с рюшками, бантами. В конце коридора, в открытую дверь, видели доктора в пенсне и с окладистой бородой. Он принимал больного.

Поражало то, что в доме все, даже такие незначительные детали, как шпингалеты на окнах, латунные краны, соответствовали временам вековой давности. Мебель, gobелены, картины, лампы тоже были раритетными — из той, канувшей в Лету эпохи. Атмосфера конца XIX — начала XX веков воссоздана абсолютно точно и с большой любовью.

Экскурсия завершилась на первом этаже. Здесь кухарка готовила еду на печке, заправленной углем, горничная гладила белье чугунным утюгом, в боковых отверстиях которого краснели угольки.

ГУД БАЙ, АМЕРИКА!

Хотя правильнее будет: «Гуд бай, Соединенные Штаты!» Если честно, расстался с этой страной без сожаления. В последние дни даже не терпелось поскорее вырваться из нее.

Интересно, что ни у кого из членов нашей команды (а мы представляем разные поколения: мне — шестьдесят один год, Косте — сорок четыре, Андрею, Лехе, Коле по двадцать пять лет, Илье — двадцать четыре) желания пожить в Америке не возникло. При всей привлекательности и красоте от этой страны осталось чувство какой-то искусственности, ненатуральности.

12 апреля

Минуло пятьдесят лет со дня первого полета в космос Юрия Гагарина!

Когда неповторимый, слегка дрожащий от сдерживаемого волнения, громоподобный голос Левитана известил человечество об этом событии, мне было одиннадцать лет, и я хорошо помню, какой безмерной радостью, каким воодушевлением была охвачена вся страна. Гордость и ликование переполняли наши сердца! От избытка чувств мы стучали соседям, выбегали во двор и вопили: «Наши в космосе! Ура, Ура!», обнимались, прыгали от счастья — мы опять первые! Ура! Ведь до этого был первый искусственный спутник Земли, первые собаки Белка и Стрелка в космосе! Вместе с нами ликовал весь мир — сбылась мечта человечества!

А до чего обаятельным был наш первый Космонавт! От одной его улыбки мир подобрел. Да, то было время побед и великих свершений!

И представьте себе наше возмущение, когда на АЗС двое молодых американцев стали доказывать, что первым в космос полетел их астронавт. Мы чуть не подрались с ними, убеждая, что они ошибаются. Следует отметить, что воспитание молодежи в США построено так, что каждый американец уверен, что их страна лучшая, во всем первая и весь мир должен подчиняться им. Мы и сами в последние десятилетия живем под их диктовку в ущерб национальным интересам своей страны. Все оглядываемся: осудит, не осудит нас «мировая общественность»?

Стало модным «вытаскивать» на всеобщее обозрение и каяться перед всем миром в умело наваливаемых на нашу страну грехах. Можно подумать, что те, кто нас обвиняет в преступлениях, святые! Поляки же не каются в уничтожении в 1920 году восьмидесяти двух с половиной тысяч пленных красноармейцев, а американцы — в атомных бомбардировках Японии, унесших разом жизни двухсот пятидесяти тысяч мирных жителей, включая беспомощных детей и стариков, или в том, что выжгли напалмом пол-Вьетнама!

Очерняются выдающиеся достижения советской культуры: музыка, песни, литература, театр, кино! Даже Святая Победа над фашизмом, спасшая Европу от позорного порабощения, бесстыже обливается враньем!

Западу, алчущему бесконтрольного доступа к природным богатствам нашей страны, не дает покоя то, что, несмотря на все его усилия, Россия жива! По всей видимости, в этом причина активизации «просветительской работы» по дебилизации мозгов и разращению российской молодежи с целью лишения их гордости за свою страну и доведения до уровня запуганных, покорных существ, которых можно будет со временем взять под уздцы и отвести на убой. Более всего возмущает то, что это усиленно поддерживается нашими СМИ и министерством культуры — теми, кто в первую очередь должен заботиться о патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Извините, несколько отвлекся, наболело! Продолжим, однако, наше путешествие.

БУЭНОС ТАРДЭС, МЕКСИКА!

Покинув последний крупный населенный пункт США город Тусон, мы в десять утра подъехали к мексиканской границе. Она проходит прямо посреди городка Ногалес (чопорного на американской стороне и бойкого, веселого на мексиканской). Как ни странно, мексиканцы на КПП документов не спросили. Мельком глянув в салон, лениво махнули рукой: «Проезжай!».

Через пару километров видим: дорога сужается, а возле будки стоят вооруженные люди — второе КПП! Здесь одетые во все черное мексиканские таможенники и пограничники сначала тщательно обследовали багажник, салон, а потом стали сличать фотографии на паспортах с нашими физиономиями. Узнав, что мы из России

и совершаем кругосветное путешествие, стали мягче, а когда Константин подарил им вымпел Русского географического общества, и вовсе растаяли. Мы долго гадали, почему на первом КПП у нас не проверили паспорта? Ведь мы могли второе КПП спокойно объехать по многочисленным боковым улочкам. Видимо, это один из способов «активной» борьбы с контрабандой! Он очень напоминает нашу «борьбу» с наркомафией.

Колыбель древнейших цивилизаций майя и ацтеков встретила сплясшим солнцем, бледным от зноя небом и тридцатиградусной жарой. На выжженном плато только многоствольные кактусы, колючие кусты, пучки пожухлой травы. Лесов практически нет. Лишь изредка мелькнет жиденькая рощица.

Рельеф довольно однообразный: раскаленная, безводная равнина в зубчатой кайме невысоких гор. Земля желтоватого, иногда красноватого цвета. Кое-где унылость равнины нарушают оплывшие конусы небольших вулканчиков. За два первых дня нам не попалось ни одного ручья, ни одного озера. Вернее, они были, но все пересохшие. У дороги, на приметных возвышенностях простирает руки к небесам гипсовый Иисус Христос. На широких гранях отвесных скал — нарисованная дева Мария, в селениях почти у каждого дома миниатюрные часовенки.

На дорогах и в селениях нет ни белых, ни афроамериканцев — одни мексиканцы (потомки испанцев и индейцев). Женщины здесь попривлекательней, чем в Штатах и Канаде.

Что интересно, в Мексике мы задышали свободно, полной грудью. Здесь живут легко и просто, без мифов, обставленных красивыми декорациями и приукрашенными искусным макияжем. Эта естественность сразу подкупает, располагает к стране, пусть не такой богатой, но активной и жизнерадостной.

Наша ближайшая цель — огнедышащий вулкан Фуэго де Колима. Едем к нему по трассе, идущей параллельно Калифорнийскому заливу. Когда дорога подошла к берегу совсем близко, съехали на стоянку и наперегонки побежали к океану — жутко хотелось освежиться. Но, подбежав, раздумали: вода вся в радужных разводах.

Проехав безжизненные лавовые поля, состоящие из торосистых нагромождений черных, смятых глыб с довольно острыми, шершавыми краями, остановились на ночевку неподалеку от колоритной цепочки невысоких вулканов, изъеденных оспинами кратеров.

Надо сказать, что конусы разновозрастных вулканов и вулканчиков щедро разбросаны по всей Мексике — одних только действующих триста пятьдесят! Их вершины иссечены складками, издали напоминающими старческие морщины вокруг глаз. Смотришь на них и убеждаешься: у каждого вулкана свое неповторимое лицо, свой характер.

Тут уже непроходимые леса. Непроходимые не только оттого, что густые, а и оттого, что стволы большинства деревьев покрыты тонкими, почти невидимыми в сумраке густого леса, но при этом необычайно прочными шипами — достаточно неосторожно коснуться, как они пронзают кожу. А между стволов еще кактусы топорчат острые иглы. Прямоствольных деревьев практически нет. Все какие-то кривые, скособоченные. По ним деловито снуют с «добычей» вверх-вниз полуторасантиметровые рыжеватые муравьи-листогрызы. В общем, жуть, а не лес.

Радости не было предела, когда на следующий день мы вырвались из этой негостеприимной чащобы в долину, залатанную лоскутами полей сахарного тростника, ананасов и остролистой агавы, сердцевина которой идет на изготовление текилы.

Перед городом Гузман, справа, сквозь дым пожарищ проступил наконец контур Фуэго де Колима (три тысячи восемьсот двадцать метров), выбросивший нам приветственный «флаг». Через минут десять вулкан можно было рассмотреть более детально.

Красивее горы я еще не встречал: идеальный конус, живописно разукрашенный цветными потоками лавы и пепла. Из кратера то и дело вылетают сизые клубы. Ветер тут же подхватывает их и вытягивает в длинную, уходящую за горизонт цепочку.

Одного взгляда на конус было достаточно, чтобы понять: восхождение будет крайне сложным. Фуэго — классический образец стратовулкана, состоящий из множества слоев затвердевшей лавы, перемешанной с вулканическим пеплом. Много-слойность обусловлена тем, что здешняя лава, в отличие от лавы гавайского типа (жидкой, текучей) — густая и вязкая (напоминает перезревшее тесто), поэтому она застывает, не успевая далеко уползти.

Заехав на широкое предвершинное плато на высоту тысяча шестьсот двадцать метров, встали на ночевку рядом с недавно разбитыми садами авокадо и лимонов. Утро. Низкое солнце не жжет, а лишь нежно ласкает кожу. Фуэго тоже утихомирился — отдыхает после ночной вахты. В лесу стоит невообразимый птичий гвалт. Особенно громко и «душещипательно» радуются появлению светила громадные павлины, с удивительной, для их размеров, легкостью перелетающие с дерева на дерево.

Ребята ушли на восхождение. Я остался в лагере — желудок /живот подвел.

Дождаясь ребят, то и дело мысленно возвращался к впечатлениям от США и сравнивал их с мексиканскими. Должен сказать, что ощущение того, что Америка и люди в ней — артисты, талантливо играющие в богато декорированном представлении, только крепло. Американцы никогда не дают волю своим чувствам, никогда не откроют душу. А в Мексике все по-настоящему! Эмоции на лицах людей натуральные: радость неподдельная, презрение непритворное, равнодушие не наигранное, даже пороки не маскируются. Никто не позирует — каждый ЖИВЕТ! Страдает, веселится, плачет, смеется, не тая своих истинных чувств! Оказывается, понимание того, что ты не зритель на спектакле, психологически очень важно. Может, еще и по этой причине мы чувствовали себя в США скованно, а в Мексике раскрепостились и жили в свое удовольствие.

Ребята появились в сумерках, обгоревшие и серые от вулканической пыли. Поднявшись до отметки две тысячи триста пятьдесят метров, они повернули обратно — дальше идти стало смертельно опасно: склон до того крут, что подвижный, раскаленный грунт сразу уходит из-под ног, засыпая сзади идущих. Попробуешь опереться рукой на вулканическую бомбу — она шатается, того и гляди, тоже покатится. К тому же печет, как в преисподней. Пот стекает ручьем, жажда мучает, а вокруг одни горячие камни.

Завтра попробуем подняться по противоположному, северному, быть может, более пологому склону. Судя по карте, на него удобней всего заходить с соседнего, почти вплотную примыкающего к Фуэго, спящего вулкана Невадо де Колима (четыре тысячи двести сорок метров).

Переехав утром на него, поставили палатки в тени деревьев и вторую половину дня бездельничали: ребята восстанавливали силы после неудачного восхождения, а я, чтобы успокоить внутренние органы, стойко голодал.

Невадо де Колима хоть и выше на полкилометра, в отличие от раскаленного Фуэго, от подножья до четырех тысяч метров покрыт лесом. Нижний пояс лиственный, в основном дуб, повыше угловатые ели, а ближе к кратеру здоровенные сосны с хвоей в два раза более длинной, чем мы привыкли видеть. Такого мощного облесения до четырехкилометровой высоты мне прежде не доводилось встречать. К примеру, на Эльбрусе деревья исчезают уже на высоте в три тысячи триста метров (имеется в виду северный склон).

Поскольку я все еще недомогал, команда ушла без меня. К полудню мне стало заметно лучше, и я решил попытаться взойти на вершину Невадо де Колима. От нашего базового лагеря к ней вела хорошо натоптанная в сосняке тропа.

Шел не торопясь, четко выдерживая выработанный по совету Кости ритм: шаг — вдох, шаг — выдох. (Попробуйте, это реально облегчает восхождение.) Поначалу было тяжело, но на полпути втянулся, и ноги заработали, как заведенные. Через два

часа я уже восседал у края оплывшего от долгого бездействия жерла на покрытой лишайником глыбе и, жадно отхлебывая из фляжки воду, любовался панорамой.

К сожалению, сизый дым от многочисленных очагов пожара ограничивал обзор. Отчетливо был виден лишь конус Фуэго. Вулкан временами глухо ворчал, после чего столб дыма заметно увеличивался в размерах. От меня до его вершины по прямой было километра четыре, максимум пять. Где-то там карабкались по костоломному скату к чадающему жерлу мои друзья. Но чем дольше я вглядывался в крутые склоны, тем яснее сознавал, что ребятам не одолеть эту «сыпуху» — больно крутая.

Измученные ребята появились на следующий день, после обеда. Фуэго выше трех тысяч пятисот их так и не пустил. Ну и ладно! Не убиваться же из-за этого!

ПАРИКУТИН — САМОЕ МОЛОДОЕ ЧУДО ПРИРОДЫ

История возникновения вулкана Парикутин трагична и комична одновременно. На кукурузном поле крестьянина Дионисио Пулидо, сколько он себя помнил, была яма, в которую практичный малый бросал мусор и сухие стебли. При этом, сколько бы ни бросал, яма никогда не заполнялась.

В первых числах февраля 1943 года из нее неожиданно донесся приглушенный рокот. Причем его сила час от часу нарастала. Это встревожило крестьянина. Было очевидно, что вот-вот должно произойти что-то экстраординарное, но через пару дней гул прекратился, и земледелец успокоился.

Две недели спустя, двадцатого февраля, когда Дионисий рыхлил мотыгой поле для посадки маиса, земля зашевелилась и от ямы прямо к нему побежала, расширяясь, трещина. Одновременно зашатались, как будто пьяные, растущие на краю поля деревья. Через расширяющуюся щель повалил дым, сквозь который замелькали сполохи огня. Дионисий в панике побежал домой.

Утром обеспокоенные жители деревни обнаружили на месте трещины миниатюрный конус высотой полтора метра. Из него то и дело вырывались клубки пепла, а через день к ним прибавились сначала разлетающиеся веером камешки, а спустя несколько часов на перепуганных крестьян полетели раскаленные камни.

Дальше события развивались с кинематографической скоростью: двадцать второго февраля из «прыща» поползла, потрескивая, огнедышащая лава. Через год на месте поля вырос настоящий вулкан, возвышающийся над плато на триста пятьдесят метров.

В общей сложности извержения продолжались еще восемь лет. За это время конус новорожденного вулкана достиг высоты две тысячи семьсот семьдесят четыре метра, а выползавшая из жерла магма запечатала навеки под многометровой броней десять селений. Более четырех тысяч человек остались без крова. Одно радовало: никто не погиб ни от лавы, ни от вулканических бомб. Правда, вся растительность в округе, заваленная пеплом, погибла.

Дионисий же выгодно продал свой участок с разбушевавшимся вулканом известному мексиканскому художнику Атлю, который за несколько лет, проведенных у вулкана, сделал более одиннадцати тысяч рисунков и не менее тысяч пейзажей маслом.

Сейчас к Парикутину удобней всего добираться через старинный городок Ангахан, притулившийся у подножья горного хребта. Как только въехали в него, нас «атаковали» всадники на разномастных лошадях. Они окружили машину и, цокая по брусчатке, долго скакали рядом, убеждая нас, что к вулкану даже на внедорожнике не проехать. И предлагали подвезти к нему за умеренную плату (тридцать долларов в оба конца за человека). Но мы, приученные к экономии средств Русского географического общества, решили добираться самостоятельно.

Изрядно поплутав по узким улочкам и почти утратив надежду найти выезд к Парикутину, свернули в неприметный пыльный переулок, упирающийся в высо-

кий забор. Илья хотел было повернуть обратно, но Костя решительно скомандовал: «Едем!» Только подъехав к ограде почти вплотную, обнаружили съезд вправо. Спустились по нему и, миновав сосновый лес, оказались на колдобистом лавовом поле. Все верно! Это та самая «засекреченная» дорога! Покачиваясь на окаменевших буграх, двинулись к мрачному конусу.

Неподалеку, у края ступенчатого вала, чистая площадка с летними кухнями под навесами. Здесь уставшие паломники и туристы могут подкрепиться блюдами индейской кухни, приготовленными дородными индианками прямо на глазах гостей.

Мы интересуемся, как проехать к вулкану. Индейцы наперебой принимают объяснять, что самостоятельно туда ехать нельзя, более того — требуется разрешение шерифа. Мы просим самого представительного седовласого сеньора состыковать нас с ним.

Сделав несколько звонков по мобильнику, он сообщает, что шериф разрешил, но только в сопровождении местного гида, которому мы должны будем заплатить двадцать долларов. На сегодня он занят с другой группой и подъедет завтра в девять утра.

Делать нечего! Отъезжаем в сторонку и встаем на ночлег. Утром, в назначенное время, находим вчерашнего сеньора. Он созванивается с гидом. Слушает, разочарованно кивая головой. Затем разворачивает карту-схему и сам объясняет дорогу к вулкану. Я на всякий случай фотографирую карту.

Поблагодарив индейца, взбираемся на гряды и едем по гребню между двух лавовых языков. Здесь сосновый лес уцелел. На многих стволах видны косые насечки и закреплены жестяные воронки для сбора живицы.

Через полчаса выезжаем на поляну, засыпанную раскаленным от палящих лучей солнца черным пеплом, и вскоре оказываемся у подножья вулкана.

На восхождение выходим сразу, без раскочки. Хотя конус, в сравнении с предыдущими, намного ниже, «побуксовать» на мешанине из пепла и крупчатой пемзы все же пришлось, и не раз.

Поскольку Фуэго я «просачковал», мне очень хотелось реабилитироваться — подняться на Парикутин первым. И это удалось! Видимо, ребята еще не восстановились.

Воронка кратера встретила нас парящими фумаролами и жутковатым лунным ландшафтом, безжизненность которого смягчалась робко пробивающейся между бурых глыб зеленью.

Сверху хорошо просматривалось все двадцатипятикилометровое лавовое поле, навсегда похоронившее близлежащие селения. Единственным свидетельством того, что здесь совсем недавно жили люди, была колокольня с уцелевшими рядом алтарем и иконостасом. Иссиня-черные комья магмы, повинувшись высшей воле, «обошли» ее стороной и теперь колокольня возвышается над окаменевшим пространством грозным перстом, как символ святости и чистоты намоленного места.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ — НЕВАДА ДЕ ТОЛУКА!

Весь день держим курс к Толука — центру штата Мехико (сам город Мехико не входит в состав штата, а лишь граничит с ним). Южнее его расположен национальный парк с вулканом Невада де Толука. Силуэты окружающих гор по-прежнему размыты густым дымом. Похоже, что и здесь горят леса.

На спуске к городу нас обогнал на мотоцикле полицейский и махнул рукой «Прижмитесь!» Оказывается, он засек, что Илья ехал, не пристегнув ремень безопасности. Штраф — двести песо (около пятисот рублей). Илья по шоферской привычке протянул в два раза меньше. Полицейский тем не менее укатил весьма довольный.

В Толуку въехали в шесть вечера. Город со всех сторон был осажден армадами свинцовых туч, всю заливающих окраины, а в самом же центре абсолютно сухо.

Стены домов от завсегдата на горизонте солнца охвачены янтарным светом — полная иллюзия, что они горят. Сюрреалистическая картина!

Немного поплутав по улицам, перекрытым через каждые пятьдесят — восемьдесят метров «лежачими полицейскими», наконец отыскали дорогу, ведущую к вулкану. По гравийному серпантину, обрамленному прямоствольными соснами с длинной хвоей, добрались при быстро сгущающихся сумерках до кемпинга с площадками для палаток. Здесь же, на посту охраны, приобрели за сто сорок песо пермит (разрешение) на завтрашнее восхождение. Не успели рассчитаться, как небо озарилось серебристыми сполохами, а земля содрогнулась от оглушительных раскатов грома, после чего на нас посыпался такой крупный и обильный град, что зрители (дай Бог здоровья этим добросердечным ребятам!) предложили переночевать во временно пустующем туристическом приюте и даже согласились за символическое вознаграждение проводить к нему.

Ежась от болезненных щелчков ледяной шрапнели, забежали в это надежное убежище. Пока при свете налобных фонариков каждый оборудовал для себя угол, дежурный готовил ужин. Перекусив и немного обсохнув, легли спать под барабанную дробь градин об оконное стекло.

Утро порадовало чисто вымытым небом и легким морозцем. Вокруг приюта алмазно сверкали мириады льдистых горошин. Деревья, потрясенные разгулом стихии, стояли тихо, неподвижно. На кончиках хвоинок весело трепетали, мерцая всеми цветами радуги, хрустальные капли.

Град на глазах таял. Поднявшись до отметки четыре тысячи сто пятьдесят метров, мы оказались на террасе, рыжей от пожухлой травы. Отсюда начиналась каменная тропа, ведущая непосредственно к кратеру.

Пока ребята утеплялись, перекусывали, готовили фото- и видеокамеры, я успел вскарабкаться на самую высокую точку восточного гребня и поторжествовать — пусть скромный, но все же успех! Тем более что поднялся на четыре тысячи шестьсот метров легко и с удовольствием. Но, как оказалось, зря радовался. Костя повел команду на другой, более высокий зубец западного гребня, обрывающегося ко дну гигантского кратера отвесной стеной. Поскольку я уже подустал, ребят догонял из последних сил.

Невадо де Толука стоит на особицу: ближайшие вулканы и хребты теряются вдаль в голубом мареве. Время основательно поработало над жерлом: стены местами совсем оплыли. Но даже сейчас каменная чаша, покрытая осыпями и струпьями из угловатых глыб, украшенных пленкой красноватого лишайника, впечатляла своими размерами: диаметр более километра, глубина — метров триста. В центре смешно выпирал пупок внутреннего конуса. По обе стороны от него с любопытством взирали на нас синими глазами-плошками два озера, в которых зрчками темнели громадные обломки скал. Солнце светило столь ярко, что заболели глаза.

Неожиданно сбоку что-то зашумело. Сбиваясь в сплошную, галолирующую поток, с гребня, метрах в ста от нас, пыльным клубком сошел небольшой камнепад. Невольно поежились — вот уж повезло: и сами целы, и на камнепад посмотрели!

Полюбовавшись видами, открывшимися нашему взору, не спеша выполнили то, за чем, собственно говоря, и поднялись сюда: измерили лазерной линейкой размеры кратера, шупом — температуру почвы на разных глубинах, нанесли на карту фумаролы, провели сюжетную видеосъемку для документального фильма и, довольные проделанной работой, наперегонки спустились к машине.

МЕХИКО

Под вечер поднялись на хребет на высоту три тысячи двести метров и увидели сквозь смог обширную холмистую котловину с размазанным по ней бескрайним Мехико.

Город особого впечатления не произвел. Для меня он был интересен только тем, что на сегодняшний день Мехико не только самый многолюдный на нашей планете, но и самый крупный по занимаемой территории — двести километров в поперечнике! И еще в нем находится чуть не самая большая площадь в мире (площадь Конституции).

Криминальная обстановка в городе, как и в северных штатах, напряженная: на первых и вторых этажах все окна зарешечены, поверх ограды лежат кольца колючей проволоки или торчат замурованные в бетон остро-колотые бутылки, въезды во дворы наглухо перекрыты железными воротами.

Общение с местными мы начинали со слов «Носотрос руссо туристо» (Мы русские туристы). Было приятно видеть, как глаза людей сразу теплели.

Стычки с «копами» начались еще на подступах к Мехико. Происходило это всегда по одному и тому же сценарию. После того как документы оказывались в руках полицейского, начинался классический «наезд»:

— Вы проехали на красный цвет. С вас три тысячи песо (триста долларов!)

— Извините, но тут светофора нет!

— Ах, да!.. Но вы превысили скорость!

— Покажите показания локатора.

— Я в полиции столько лет, что и сам могу безошибочно определять скорость...

Потом у вас чрезмерно затонированы стекла.

— Все заводское, мы ничего не меняли.

— Хорошо... согласен на пятьсот песо.

— Мы ничего не нарушали и платить не будем, — негодует Костя...

Первая подобная словесная дуэль длилась не менее получаса, но мы все же выстояли — не заплатили. Командор вместе с непоколебимой принципиальностью продемонстрировал такой эмоциональный напор (включая и крепкие выражения), что ошеломленные «блюстители порядка» в итоге ретировались.

В дальнейшем, дабы пресечь затяжные разбирательства на корню, мы стали, как говорится, «гнать дуру»: на все вопросы отвечали: «Сеньор, мы по-испански не понимаем, поехали в российское консульство, там через переводчика будем говорить». Действовало безотказно. Озадаченно почесав затылок, ребята капитулировали либо сразу, либо после попытки получить «ну хотя бы триста песо». Еще больше портили впечатление о стране столичные торговцы: обсчитывали, обманывали без зазрения совести на каждом шагу.

Вечером провели встречу с журналистами. В их числе был собственный корреспондент «РИА Новости» Юрий Николаев, регулярно освещающий через свое агентство ход нашей экспедиции. В Мексике он работает не первый год. После общения с ним мы поняли, что родились в рубашке. Оказывается, мало кому удается без осложнения проехать по северным, граничащим с США, мексиканским штатам. Через них проходят основные каналы поставок наркотиков в США, Канаду, и там ежемесячно совершаются десятки разборок, наглых нападений, в том числе с убийством водителей и пассажиров автомобилей и автобусов. Теперь понятно, почему так много было в тех местах вооруженных до зубов армейских патрулей, курсирующих по дорогам на открытых машинах. (На коррумпированную полицию президент уже не надеется.)

Наверное, пора коснуться и такой деликатной темы, как естественная потребность в сексе. Мы в дороге уже третий месяц и в этом плане изрядно изголодались. Особенно молодежь. Но никто из нас не сделал даже попытки воспользоваться услугами полубогаженных проституток, которых на улицах Мехико в избытке и на любой вкус. Более того, когда мы искали велосипеды, наш красавец Николай вызвал у этих пуган такой интерес, что две из них, вцепившись в него с двух сторон, попытались силком затаскать в свое заведение. Бедолаге пришлось буквально вырваться из их страстных объятий. Так что могу засвидетельствовать: мы своих невест и жен не предавали и честно соблюдали «облик морале» не только в Мехико, но и в других городах.

Оставив часть вещей в консульстве, отправились к вулкану Попокатепетль (пять тысяч четыреста двадцать шесть метров). Он высится посреди отрогов Поперечной Вулканической Сьерры всего в пятидесяти пяти километрах к юго-востоку от столицы, и в любую погоду заметен даже из окон одноэтажных лачуг. (В переводе с ацтекского Попокатепетль означает «дымящая гора».)

У индейцев вулкан мог быть одновременно и божеством, и человеком, и горой. Поэтому у каждого племени был свой объект поклонения. Но лишь Попокатепетль вызывал единодушный священный трепет и любовь всех индейских племен Мексики. Подобно тому, как японцы поклоняются Фудзияме, непальцы — Джомолунгме, а масаи — Килиманджаро, местные индейцы почитают свой «Эль-Попо».

Мексиканцы верят, что заснеженный исполин и сейчас обладает божественной силой и от него зависит, соберут ли облака в дождевые тучи и пролить на землю живительную влагу или развеять их без следа. Еще существует поверье, что взошедшему на Попо даруется долголетие. Поскольку средняя продолжительность жизни российских мужчин составляет шестьдесят лет, мне подняться на вершину сам Бог велел!

Достигнув отметки три тысячи восемьсот метров, мы уперлись в шлагбаум. Отсюда уже отчетливо были видны вихрастые клубы желто-бурого дыма, исторгаемого из жерла, временами доносились отголоски утробного гула. Пока мы любовались этим зрелищем, подошел охранник и заявил, что вулкан в фазе повышенной активности, и он сможет пропустить нас только по письменному распоряжению директора парка. Чтобы найти его, следовало спуститься в городок Амекамека, где находится главный офис национального парка.

Директор встретил любезно, но был неумолим:

— Я не могу дать разрешения! Вулкан разбушевался — кроме пепла, выбрасывает куски магмы.

Костя объясняет, что мы все имеем большой опыт, хорошо оснащены и подготовлены. Выслушав его, директор берет лист бумаги и довольно точно чертит на нем профиль вулкана:

— Куда вы хотите подняться?

Командор ставит точку на вершине вулкана. Директор меняется в лице и, перечеркнув рисунок, начинает, темпераментно жестикулируя руками, говорить о том, что это невозможно ни при каких обстоятельствах, что у кратера уже погибло много людей. Он не может допустить новых жертв.

Поняв по выражению наших глаз, что его слова не возымели действия, задал прямой вопрос:

— Вы что, пришли умереть в Мексике? — немного помолчав, решительно заявил: — Я не допущу гибели гостей из России! Нарушите запрет, депортируем из страны!

Эта перспектива сразу отрезвила нас — решили не лезть на рожон, тем более что впереди Орисаба (пять тысяч шестьсот тридцать шесть) — самая высокая гора Мексики и вторая на Североамериканском континенте (уступает лишь Мак-Кинли).

За чашкой чая директор рассказал нам, что на Попо главную опасность представляет даже не лава, а мощные грязевые потоки, образующиеся от таяния глетчеров при извержении. Тогда ледниковая вода, смешанная с пеплом и кусками лавы, устремляется грязекаменной лавиной вниз по естественным желобам и сметает все на своем пути.

Последнее крупное извержение, сопровождавшееся выбросом пепла на высоту шесть километров, состоялось в сентябре 2000 года. В прошлом году было зафиксировано появление нового конуса внутри кратера. Именно с этого момента охранную зону парка значительно расширили, а на вулкане установили видеокамеру, с помощью которой вулканологи могут наблюдать за происходящим в жерле в режиме онлайн.

Сегодня Господь уберет нас от ДТП с непредсказуемыми последствиями: на скорости семьдесят километров в час у машины отлетело переднее правое колесо, и автомобиль, чиркнув бампером об асфальт, закрутился волчком, быстро смещаясь на встречную полосу. Визг, скрежет тормозов несущихся на нас грузовиков, автобуса, крики, дым, запах горелой резины...

Когда все стихло, мы какое-то время не в состоянии были даже говорить: «Неужто обошлось?!» Нас спасла хорошая реакция водителей — ближайшая фура остановилась в метре от «Сафари».

Бледные, ошеломленные пережитым, мы выползли на дорогу почти в шоковом состоянии. Набежавшие мексиканцы ободряюще хлопали по плечу, поздравляли с благополучным исходом. Потом, облепив машину со всех сторон, передвинули ее на обочину. Только тогда до нас дошло:

— Слава Богу! Живы!

Причину «бегства» колеса выявили сразу — от постоянной тряски сорвало гайку. У нас это третья поломка, если не считать четырех проколов. Не так много с учетом возраста и пробега «Сафари». Автомастерская оказалась в километре, и мы уже через час были на ходу.

Предвершинные склоны Орисабы покрывали светлые сосновые леса, изобилующие родниками с чистой водой. Ливневые потоки размыли грунт из дорожной насыпи местами до того тщательно, что от нее остались лишь одни лобастые булыжники, безжалостно раздиравшие днище низко сидящей машины. Этот скрежет разрывал наши сердца на части. Чтобы уменьшить осадку, мы вышли из салона и до отметки четыре тысячи двести семьдесят метров, на которой находился приют, шли пешком.

В приюте, сложенном из крупных камней, ни души. Заняв дальний угол, готовимся к восхождению: надеваем термобелье, ветрозащитные костюмы, подгоняем «кошки», складываем в рюкзаки самое необходимое, а дежуривший в этот день доктор готовит обед.

Хотя приют бесхозный, благодаря сознательности альпинистов, он находится в хорошем состоянии: двери, окна целы, внутри и на прилегающей территории чисто. В высоком помещении на широких трехэтажных нарах одновременно может разместиться до пятидесяти человек. Один существенный минус: поблизости нет питьевой воды. Стекающий с ледников поток настолько насыщен вулканической пылью, что в него даже руки боязно опускать.

Вскоре подъехала на пяти вездеходах большая группа людей из Германии. Жизнь сразу забила ключом: смех, гортанная речь, выкрики, кучкование на нарах по интересам. Мы же взваливаем рюкзаки и отправляемся к замороженной вершине.

Петля между нагромождений базальтовых глыб, отполированных ледниками и ветрами до зеркального блеска, натыкаемся на полуистлевшую, разорванную палатку: похоже, хозяина не дождалась. Вскоре среди хаоса камней видим красноречивое подтверждение нашему предположению: кресты и таблички с фамилиями погибших.

Как известно, погода в горах неустойчива и может в течение нескольких минут перемениться. Сегодняшний день подтвердил это. Чуть приметная легкая облачность вдруг сгустилась, и на нас поползли, плотно обволакивая склон, пухлявые валы. Посыпал снежок, а когда мы достигли кромки ледника и обули кошки, налетел и по-волчьи завыл многоголосый ветер. Снег загустел, запуржил вихрями. Вокруг все тонет, растворяется в молочной мгле. Идти стало опасно. На отметке четыре тысячи девятьсот метров ставим палатки прямо на «арене» ледникового цирка. Наши мысли и мольбы об одном: Господь, подари нам завтра ясное небо!

Костя поднял в четыре утра: пока тихо, надо успеть взойти на вершину и спуститься к приюту. Выбравшись из палатки, видим на четко проступающем силуэте

вулкана цепочку медленно покачивающихся огньков: немцы с мексиканскими проводниками были уже в пути. И, похоже, давно! Быстро перекусив оставшейся с вечера овсяной кашей, с азартом бросаемся вдогонку.

Вытянувшаяся впереди цепочка людей все ближе. Неутомимые Леха, Коля и Костя идут, как гималайские шерпы — без отдыха. Илья с Андреем отстают ненамного. Я же плетусь в хвосте. Сердце стучит, как хорошо отлаженный мотор, дыхалка не подводит, а ноги, как ни стараюсь, тормозят. Испугался: неужто не сдую?! Но в какой-то момент, кажется, сразу после привала, вдруг почувствовал прилив сил и зашагал, как заведенный. Чем выше поднимался, тем явственнее ощущал легкость: казалось, будто теряю в весе и становлюсь несильным. Возникло шальное желание разбежаться и, раскинув широко руки, взлететь и парить над облаками, уносясь все дальше и дальше в неизведанные края.

Оседлав крутой лоб глетчера, до предела взвинчиваем темп и наконец обходим одного за другим фаворитов немецкой команды.

Ступили на подсвеченный восходящим солнцем ледяной бруствер, с которого открылся вид на идеально круглую воронку кратера. Окружающее нас безмолвие было нарушено дружным, но как-то совсем слабо прозвучавшим в разряженном воздухе троекратным «Ура-а-а!». Зато жерло ответило на нашу бестактную выходку резонирующим, как в бочке, эхом.

От Орисабы во все стороны разбегались голые, бурого цвета хребты, зеленеющие у подножья. Они вкупе с редкими перистыми облаками хорошо оживляли панораму. От простора и первозданной мощи холодных, бесстрастных громад, меня охватило состояние благоговейного восторга. И, похоже, не только меня. Как бы вторя моим мыслям, Коля прошептал:

— Эх, были б крылья или дельтаплан, полетел бы!

Ветер крепчал. Пространство наполнялось мельчайшими кристалликами ледяного снега. Подхваченные невидимыми струями, они кружились, вспыхивали в спящих лучах солнца. Отдыхавшая под нами отара туч, зашевелилась и, неуклюже толкаясь, потянулась на юг. В открывшееся окно показались спичечный коробок приюта и едва приметные точки ползающих около него людей.

Спустившись в долину, оглядываемся: Орисабу уже не виден. В клубах грозового фронта сверкнул излом молнии. Один, другой. Следом громыхнуло. А через минуту уже все сверкало и гремело. Краешек грозы накрыл нас крупным, размером с воробьиное яйцо, градом. У всех как-то одновременно вырвалось: «Вовремя мы спустились!»

Миновав равнину, долго взбирались на поперечный хребет. Когда перевалили его, характер леса стал совершенно другим: на смену светлому сосновому пришла пышная непроходимая сельва.

ЧП В ГВАТЕМАЛЕ

Чем ближе к границе, тем чаще видим армейские патрули: проверяют документы и грузы. Благополучно миновав во второй половине дня приграничный городок Нагалес с мексиканским КП, подъехали к полосатому шлагбауму, закрывающему проезд в гватемальский Лас Чамрес. За ним многоголосо шумела улица, запруженная людьми с неподъемными тюками, менялами с толстенными пачками валюты, трехколесными моторикшами «тук-тук», вычурно размазанными автомобилями и заставленная по обе стороны торговыми лотками со всевозможным товаром.

Как только мы заехали на площадку, к нам подбежал шустрый парнишка, включил компрессор и распылителем продезинфицировал колеса нашей выносливой и трудолюбивой «лошадки». Закончив процедуру, объявил: «С вас сорок кетцалей!»

(примерно сто шестьдесят рублей). Получив купюры, провел нас в небольшое, полупустое здание паспортного контроля.

Мы, обрадованные отсутствием обычной у окна очереди, торопливо выложили симпатичному гватемальскому пограничнику свои красные с позолоченными орлами паспорта. Пролистав все странички, он недоуменно покачал головой и сказал, что не может пропустить, так как нет штампа о выезде из Мексики. Делать нечего — возвращаемся на мексиканскую сторону. Дежуривший там офицер, ознакомившись с нашими документами, удивился еще больше: не было и отметки о въезде в Мексику! Данный факт уже нас поставил в тупик: при пересечении границы «США — Мексика» паспорта проверяли дважды! Мы пытаемся объяснить это контролеру, но он заладил: «Вы в Мексике незаконно! Вы нарушили порядок!»

Звоним в Мехико консулу Маркелову Андрею Ивановичу. Выслушав Костю, попросил передать трубку офицеру и долго разговаривал с ним. В итоге пришли к компромиссу: мы платим штраф, а мексиканцы делают отметку о выезде.

В кассу следовало внести семь тысяч сто семьдесят шесть песо, что соответствовало (по тогдашнему курсу) двадцати одной тысяче рублей! Поскольку такой суммы наличными не было, отправились в соседний город — ближайший банкомат находился там. Когда подъехали, он уже был закрыт. Пришлось заночевать неподалеку в лесочке, где весь вечер лакомились мелкими, с указательный палец, бананами, свисавшими с пальм плотными, увесистыми связками.

Утром, сняв в банкомате наличность, вернулись на КПП. После оплаты штрафа в паспортах появляются заветные штампы. Ура! Дорога в Гватемалу открыта!

Анализируя происшедшее, мы пришли к выводу, что при въезде в Мексику отметку в паспортах нам не поставили умышленно — это же безотказный способ пополнять казну! В дальнейшем аналогичная ситуация возникла при въезде в Перу, но Костя, помня мексиканский урок, чуть ли ни силой заставил контролера сделать отметку.

Гватемала — страна небольшая. Наверное, поэтому в ней и долинки тесные и дороги узкие. Они вьются замысловатым серпантином над бездонными каньонами, на дне которых грохочут, ворочая валуны, пенные потоки. Миниатюрны и города с крошечными домиками, и даже люди какие-то совсем малорослые (последнее связано с тем, что население здесь — сплошь индейцы, а они, по нашим наблюдениям, значительно уступают в росте североамериканским собратьям).

Единственное, что в Гватемале большое — это величественные, изрубцованные шрамами ущелий горные цепи и высоченные, как правило, правильной конической формы, вулканы.

На одном из поворотов нас тормознула полиция. Памятуя Мексику, мысленно взвыли: «Начинается!» Но ребята, проверив документы, просто предупредили, что дорога сложная, и посоветовали быть внимательнее. Мы с непривычки до того растрогались, что едва не заплакали от умиления! Илья не сдержался и прокричал: «Да здравствует гватемальская полиция!»

Ближе к обеду завернули в небольшой городок пополнить запас продуктов и заодно купить карту Гватемалы. Я остался в машине — на магазины у меня аллергия. От нечего делать наблюдаю за проходящими и проезжающими гватемальцами. Наблюдаю с удовольствием: добрые, открытые лица. Если заметят, что я смотрю, так просияют, приветливо заулыбаются и головой, как старому знакомому, кивают. Оказывается, это так приятно, когда тебе искренне и радостно улыбаются совершенно незнакомые люди.

Гватемала — царство мотоциклистов. Женщины лихачат похлеще мужчин. Одной рукой руль держат, другой по-сотовому разговаривает, а за спиной малыш головой вертит. Кстати, гватемалки не уступают по красоте мексиканкам. Большинство женщин в колоритных национальных костюмах (запашные юбки, цветистые вышивки на

рубашках и накидки, украшенные серебристыми и золотистыми нитями). Любимый цвет: фиолетово-сиреневый. На головах по-особому сложенные грубоотканые, преимущественно бордового цвета платки. При необходимости прямо на них водружают тяжеленные корзины и шествуют, небрежно помахивая ручкой.

Нравственные устои вообще мало изменились. Разводы — большая редкость. Каждая супружеская пара имеет по пять-семь детей. Старые люди окружены вниманием и, хотя пенсию получают немногие, благодаря заботе детей и внуков не бедствуют.

Поднявшись по змеевидным извивам дороги на высоту в две с половиной тысячи метров, увидели обрамленное зубчатой короной вулканов озеро Атитлан. Оно смотрелось столь эффектно, что Костя загорелся идеей заснять его целиком. Для этого стали подниматься по узкой, предназначенной только для проезда телег и мотоциклов дороге на одну из вершин. Подъем и извивы серпантина оказались столь крутыми, что порой казалось, вот-вот опрокинемся или не впишемся в радиус. Повернуть обратно уже никак — дорога в тисках непролазного леса. Так и ехали: замирая то от восторга, то от ужаса, пока не выбрались на седловину, где дорожное полотно стало чуть шире.

Запечатлев сказочную панораму озера, поехали по все той же узенькой дороге дальше, в расчете, что она выведет на главную, более широкую, автомагистраль. Но в итоге въехали на тесную, предназначенную только для велосипедистов и всадников улочку старинного городка. Сразу пришлось сложить зеркала заднего вида — чтобы не повыривало. И все равно, протискиваясь между домов, мы то и дело царапали бока и двери машины о выступы каменных стен. Изумленные жители прильнули к окнам: наш автомобиль появился на этой улочке впервые за все время существования селения. Но и этот экзамен «САФАРИ», благодаря мастерству Ильи, сдала на «пять с плюсом».

Заночевали у дороги, ведущей к неразлучной парочке: вулкану Акатенанга (три тысячи девятьсот шестьдесят восемь метров) и примыкающему к нему стратовулкану Фуэго (три тысячи семьсот шестьдесят три метра, не путать с мексиканским Фуэго де Колима). Их лысые вершины, окутанные венчиками из пухлявых облачков, напоминали головы седовласых великанов.

Утром по холмистому нагорью быстро достигли деревни, раскинувшейся у подножья конусов, и договорились с хозяином крайнего дома оставить машину у него во дворе.

Вышли налегке. Взяли только воду и небольшой запас продуктов. По тропе, разделяющей наделы, шагали довольно резво. Но, когда она уперлась в густой тропический лес, оглашаемый жуткими криками, никак не вяжущимися с царственным обликом павлинов, склон загнулся вверх столь круто, что пришлось, цепляясь за выступы камней, корни, стволы бамбука, буквально подтягиваться на руках. Молодежь задала такой темп, что я еле поспевал.

Чтобы справиться с резко возросшей нагрузкой, мое сердце набирало обороты и вскоре забухало в грудной клетке, как рвущаяся на волю птица. Пот заливал глаза, по спине потекли ручьи. Чтобы восстановить дыхание, приходилось то и дело останавливаться. На мое счастье, после отметки три тысячи метров тропа пошла пологим траверсом. Я приободрился, но через метров сто пятьдесят она снова пошла круто вверх. Настроился было на очередной рывок, как вдруг шедшие впереди ребята остановились и, скинув рюкзаки, скрылись в кустах. Оттуда донеслись сдавленные стоны.

Подойдя ближе, я увидел, что они выносят из колючих зарослей окровавленного мужчину лет сорока в форме охранника парка. Низ рубашки и штаны обильно залиты кровью. Когда раненого уложили на землю, Андрей Колодкин, наш доктор, освободил среднюю часть тела и провел осмотр.

Сквозная огнестрельная рана, проходящая через бедро и нижнюю часть живота, выглядела настолько страшно, что я не выдержал, отвернулся. Тем временем Андрей,

видавший, работая врачом скорой помощи, и не такое, открыл походную аптечку, надел перчатки и, набрав в шприц какое-то лекарство, сделал укол. После чего приступил к остановке бьющей из ран крови. А мы по его команде подавали то ножницы, то салфетки, то тампоны. Лицо индейца тем временем порозовело, появился пульс. Когда Андрей стал вводить в рану тампоны, он с такой силой забил руками и ногами по земле, что пришлось вчетвером навалиться на него.

Наконец кровь остановлена, раны перевязаны. Мужчина приоткрыл глаза и стал, пересиливая боль, что-то торопливо бормотать. Сообразив наконец, что мы его не понимаем, умолк и только временами, стиснув зубы, мычал от боли.

Мы с Колей и Ильей принялись рубить бамбуковые жерди, нарезать веревки, а Костя с Лехой мастерить из них носилки. Настелив поверх перекладин ветки с длинными листьями, уложили раненого и понесли по очереди в долину. Чем ниже спускались, тем суше становилась земля. Последние километры шли в облаке вулканической пыли, поднимаемой шестью парами горных ботинок. Она разъедала глаза, забивала легкие, но мы не сбавляли темпа. Увидев на склоне земледельца с мотыгой, попросили его как можно быстрее бежать в деревню и вызвать полицию, скорую помощь.

Когда вышли на дорогу, там нас уже поджидали все жители селения, а через минут десять подъехали и полицейские. Они погрузили пострадавшего в машину и помчались в город. Надо было видеть, с какой благодарностью смотрел на нас в эту минуту гватемалец. Такой взгляд дорогого стоит.

Местный учитель, знавший английский, подтвердил, что раненый действительно охранник национального парка. Зовут его Диего. Во время обхода он заметил на тропе обросшего человека. Поскольку в последнее время случались нападения на туристические группы (отбирали продукты, снаряжение, камеры, деньги), Диего попытался задержать его для выяснения личности, но сидевшие в засаде подельники открыли по нему огонь. Тяжелораненый охранник скатился с обрыва в колючий кустарник. Это его и спасло — бандиты поленились продираться сквозь острые шипы.

Получается, что индеец Диего — наш спаситель! Караулили-то не его, а нас!

В связи с этим драматическим событием Костя решил перенести восхождение на Фуэго на более поздний срок, а пока ехать в столицу страны — город Гватемалу. Там нас уже давно ожидал друг Алексея Ярошевского — гватемалец Хуан-Пабло Авенданьо. Он получил образование в Санкт-Петербургском педагогическом университете и прекрасно владел русским языком. У него же лежали и высланные Ярошевским велорюкзак.

Пабло оказался эрудированным, располагающим к себе с первого взгляда парнем лет тридцати пяти, с вьющейся гривой черных волос. О России и русских он отзывался с такой теплотой, что мы даже загордились. Жил Пабло недалеко от столицы, в тихом, уютном городке Сан-Лукас, в так называемой «колонии» — элитном квартале, огороженном высоким забором и охраняемом вооруженными стрелками.

Во дворе, между прямоствольных сосен, имелась лужайка, на которой мы и разбили свой палаточный лагерь. Жена Пабло — русоволосая ленинградка Екатерина — смело могла бы претендовать на титул самой красивой женщины Гватемалы (как и каждая вторая россиянка — уж чем-чем, а красивыми женщинами Россия не обделена).

За ужином Пабло предложил организовать пресс-конференцию с местными журналистами и телевизионщиками, на которой мы рассказали бы о целях и ходе кругосветной экспедиции по вулканическому поясу Земли. Костя охотно согласился. Спать легли далеко за полночь — как известно, за беседой время летит незаметно.

ВУЛКАН ПАКАЙЯ

Пакайя — один из активнейших вулканов на Земле. С XVII века он двадцать три раза изливал на окрестности раскаленную магму и не прекращает бурную деятельность по сей день. Последнее извержение случилось в 2010 году. Тогда Пакайя за сутки выбросил столько пепла, что он покрыл десятисантиметровым слоем округу в радиусе пятидесяти километров. Особенно сильно пострадали селения, расположенные на склонах вулкана: помимо пепла они подверглись «бомбардировке» раскаленными камнями и сгустками магмы, что вызвало многочисленные пожары. (Не перестаю удивляться легкомысленности людей, строящих свои жилища в двух-трех километрах от кратера.)

Конус вулкана невысокий (две тысячи пятьсот пятьдесят два метра), и технически несложный — специального снаряжения для восхождения не требует. У его подножья нас встретили всадники и предложили подвезти поближе к кратеру. Мы вежливо отказались и, заплатив за вход в национальный парк семьдесят пять кетцалей (примерно триста рублей), пошли по тропе, усыпанной вулканическим пеплом и шлаком. В этот день я был в прекрасной форме и даже притормаживал, чтобы не отрываться от ребят.

Поднимаясь, то и дело натыкались на полузасыпанные бетонные и кирпичные коробки домов с обугленными дверными проемами. Обильный выход магмы случился и за две недели до нашего прихода. Но не из главного кратера, а из разлома меж двух конусов. Буро-красное лавовое поле еще не совсем остыло, из трещин веяло жаром, как из раскаленной духовки. Леха бросил в одну из щелей пустую пластиковую бутылку — она вспыхнула, словно облитая бензином. Стало страшновато. Ведь, чтобы пройти к главному конусу, следовало пересечь все это огнедышащее пространство. На наше счастье, выступы лавы уже остыли, и мы пошли по ним. И, хотя из-за нестерпимой жары заранее сняли с себя почти всю одежду, все равно чувствовали себя как сталевары у мартеновской печи.

Николай на ходу измерял датчиком температуру верхнего слоя — в большинстве мест она равнялась ста пятидесяти градусам. Вокруг ничего, кроме пышущих жаром буро-красных глыб. Вскоре даже в горных ботинках стало чувствительно жечь ступни ног, едко запахло химией, но поворачивать посреди лавового поля было неразумно. Прибавляем шаг и проходим мимо грота, образованного причудливым нагромождением лавовых глыб. Из его красноватого нутра пахло таким жаром, что, показалось, будто именно здесь и находятся врата ада.

На самом конусе было прохладнее. Склоны покрывал сыпучий шлак, местами спекшийся в крупные комья. Разойдясь в линию, стали карабкаться вверх, помогая себе руками. Угловатые конгломераты выкатывались из-под ног и, увлекая за собой нижние комья, вызывали пыльные лавины. Оглядываемся — красиво, но жутко! Чем ближе к кромке кратера, тем сильнее запах сернистого газа. От него першило в горле, резало глаза.

Гребень кратера из плотно слежавшегося пепла с желтыми прослойками серы. Через округлые отверстия с шипением и свистом выходил влажный газ. Тут вновь пришлось задействовать все четыре конечности: на осклизлой сере ноги разъезжались в разные стороны. Доползли до края и заглянули в нутро жерла, скрытое густыми клубами пепла и дыма, сквозь которые временами проступали желтоватые стенки. Неожиданно грунт между мной и Костей вспучился, и из образовавшейся дыры забила, ширясь, струя газа. Вскоре мы оказались в центре беловато-желтого облака. Концентрация сернистого газа была столь велика, что у меня перехватило дыхание, кто-то зачихал, кто-то зашелся в надрывном кашле. Костя крикнул: «Всем вниз!», а сам прилег на гребень и приступил к съемке. Но, вдохнув очередную порцию газа, закашлял и тоже поспешил за нами.

Когда спускались, сверху то и дело доносился какой-то шум. Мы каждый раз оглядывались — не камнепад ли догоняет?! Слава Богу, нет! По всей видимости, это рушились внутренние стенки кратера.

Вечером уже во дворе Пабло добавила адреналина чудовищная гроза. Огненные жгуты молний с шипением вонзались в залитую водой землю всего в нескольких метрах от нас. Как мы остались живы, уму непостижимо. Вода лилась с небес сплошным потоком. Мы едва успели убрать палатки с пути хлынувшего со склона холма грязевого потока. Вещи даже в рюкзаках промокли так, что, перед тем как повесить сушиться, их пришлось выжимать.

ВНОВЬ ТРОПОЙ ИСПЫТАНИЙ

Рано утром двенадцатого мая мы покинули гостеприимный Сан-Лукас и вновь взяли курс к вулканам Акатенанга и Фуэго. Они стоят так близко, что со стороны напоминают двуглавый красавец Эльбрус, только без снежного купола. Подняться на них восьмого мая нам помешала операция по спасению тяжелораненого сотрудника национального парка.

Автомобиль оставили во дворе того же дома, что и в первый раз. Хозяина не было, но сыновья встретили нас как героев. Проходя мимо крыльца, мы с удовлетворением отметили, что вымпел Русского географического общества висит у входа, на самом видном месте.

Еще при подъезде к деревне с тревогой наблюдали, как навстречу нам из-за вздыбленных кряжей выползали разлохмаченные валы облаков. К моменту старта они залили всю окрестность сырым туманом. Сразу резко похолодало. Ребята надели зимнее термобелье, кто-то даже куртку. Я же, несмотря на то что уже основательно продрог, решил подниматься в шортах и сетчатой безрукавке.

Первые километры всегда тяжелые: организм не перестроился, а тут сразу такой крутяк! Уже через минут пять я задышал, как перегруженный мерин, а сетчатая безрукавка потемнела от пота. Сердце, чтобы обеспечить мышцы дополнительным питанием, удвоило обороты. Тем не менее отставание от ребят росло. Я задышался в тщетных попытках догнать их. На мое счастье, склон стал выполаживаться, и тропа пошла траверсами: необременительный ход по косой, а следом некрутой подъем — тут было где перевести дух.

Прошли памятную развилку. Там, где мы перевязывали раненого, земля чернела от запекшейся крови. Чуть выше валялись стреляные гильзы и один заряженный патрон — похоже, полиция даже не удосужилась обследовать место происшествия.

По мере набора высоты характер леса менялся. На смену субтропическому — с лианами, пальмами, непроходимым колочим подлеском — пришли разлапистые сосны. Чем выше мы поднимались, тем ниже они становились, а вот туман густел. Вскоре из белой мути на нас «двинулись» скелеты рукастых чудищ, превращающиеся вблизи в обугленные пожаром деревья.

Временами шли сквозь столь плотные тучи, что из поля зрения исчезал даже впереди идущий. Были видны лишь камни под ногами и растущие в беспорядке пучки травы.

Наконец, обливаясь потом, мы пробили эту клубящуюся муть, и на нас брызнули лучи полуденного солнца. Стало жарко. Если бы не холодный ветер, нам бы пришлось совсем худо.

Тут леса нет. Одни голые камни, испятнанные мазками лишайника. Подъем из-за возросшей крутизны склона давался все труднее. Первый купол, усеянный ноздреватой золой и мелкой галькой, был похож на прокопченную лысину великана. Взобравшись на него, расселись на вулканических бомбах, перекусили шоколадками,

попили воды. После непродолжительного отдыха спустились в неглубокий, хорошо выраженный боковой кратер идеально круглой формы.

Проведя традиционные измерения температуры почвы, уровня загазованности и физических параметров, полезли на главный конус, покрытый хаотичным нагромождением исторгнутых из нутра Земли окаменевших сгустков магмы. Пространство между ними заполняла черная крупка. Стоит наступить на нее, как вся масса приходит в движение, и, если не успеваешь пересечь ее скользящими шажками, то «едешь» вместе с ней вниз до тех пор, пока не упруешься в торчащие выступы, либо... летишь в пропасть.

Ребята уже высоко. Из последних сил, цепляясь за острые кромки и проворно пересекая сыпуны, пытаюсь догнать их. Но чем выше, тем тяжелей дается каждый метр: уже ощутима нехватка кислорода. Приходится останавливаться через каждые десять — пятнадцать метров. И вот наконец открылся вид на громадный кратер, забитый черным пеплом и пористыми гранулами. Между комьями лавы сочилились вялые струйки пара. В таких местах их выхода солнышками желтела сера. Ребята уже отдыхали: рассевшись по вулканическим бомбам, жевали кто курагу, кто шоколад. Я, глотнув воды, первым делом огляделся.

Вершину окружали «жирные» бугры облаков, местами пронзенные скальными пиками. И такая библейская тишина стояла вокруг, что казалось, будто не существует в мире ничего, кроме нас и этих каменных стражей, парящих над уходящими вдаль белыми бурунами. Чудилось даже, что слышно, как они переговариваются друг с другом, выражая недовольство вторжением людей в их царство безмолвия.

Пока я предавался созерцанию, отдохнувшие Леха и Коля побежали наперегонки по периметру кратера. Это соревнование на высоте почти четыре километра даром не прошло — у Николая из носа пошла кровь. Они сообщили, что Акатенанга обрывается к Фуэго отвесной стеной, и без веревок на нее не подняться. Решили возвращаться.

Спустившись к первому куполу, повытряхивали из ботинок камешки, набившиеся на сыпунах. Чтобы пораньше стготовить обед, Костя отправил самых резвых — Леху, Колю и Илью — вперед, а мы пошли в более умеренном темпе.

Хозяин дома Рональдо встретил нас как братьев: подошел и долго тряс каждому руку. Мы пригласили его за «стол». За трапезой он рассказал, что опять где-то бандиты стреляют, а вчера им пришлось вместе с полицейскими спускаться обнаруженные на дне высокогорного цирка четыре трупа. Обросшие, оборванные мужчины, у двоих нашли пистолеты. Полиция предполагает, что это те самые бандиты, которые тяжело ранили охранника парка. Все они умерли от удушья. По всей видимости, во сне: из-за отсутствия ветра в котловине скопилось много ядовитого газа.

Возвращались в Сан-Лукас в темноте. Добравшись до «колонии», рассказали о случившемся Пабло. Он с горечью подтвердил, что подобные случаи у них не редкость. У него самого недавно прямо на улице отняли телефон: приставили «пушку» — пришлось отдать. По его словам, в стране практически каждый житель после окончания гражданской войны подвергался ограблению.

Пабло объясняет это слабостью президента, идущего на поводу у «защитников прав человека», которые под флагом улучшения имиджа страны в глазах мировой общественности (читай — США) добились отмены смертной казни и проводят самое тщательное расследование по каждой жалобе заключенных на плохое питание или отсутствие телевизора в камере и т. п.

В итоге в стране возникла парадоксальная ситуация: когда ежедневно убивают по несколько законопослушных граждан, включая детей, а десятки подвергаются ограблению — «защитники прав человека» молчат, но попробуй прижать преступника. Его, оказывается, надо холить и лелеять, создавая за счет твоих же налоговых отчислений комфортные условия содержания. И это на языке американцев называется проявлением гуманности!

Помимо восхождения на вулканы, в Гватемале состоялось еще одно важное событие. На следующий день после возвращения с Фуэго нас пригласили в Президентский дворец. Догадайтесь — зачем? На пресс-конференцию с корреспондентами гватемальских газет и телевизионных компаний. К назначенному времени подошел консул России в Гватемале Виктор Попович и провел нас через несколько залов-коридоров в специально оборудованную комнату. Там уже ожидали репортеры с диктофонами и телекамерами.

Вечером того же дня по всем основным телевизионным каналам Гватемалы прошли передачи о русских, спасших жизнь их соотечественнику. Один корреспондент даже успел взять интервью у лежащего в больнице охранника.

За ужином отец Пабло угостил нас виски «Гленфилдих». Будучи большим ценителем этого напитка, он прочитал нам целую лекцию о том, как правильно пить его. Гурманы, оказывается, в виски более всего ценят не вкусовые свойства, а обонятельные — качество виски определяется по выдоху через нос. Чем старше виски, тем оно лучше. Как говорят знатоки, «время забирает из виски огонь и оставляет тепло».

14 мая

С сегодняшнего дня начался новый этап — «велосипедный». А машина сопровождает сзади, обеспечивая безопасность велосипедистов.

Движемся к границе с Сальвадором. Кругом все цветет и плодоносит. Особенно манговые деревья: плодов на них больше, чем листьев. За рулем «Сафари» поочередно то я, то Илья. В таком режиме будем ехать до Панамы, где с машиной расстанемся окончательно. Естественно, что дневной пробег заметно сократился. И фотографировать стали меньше.

САЛЬВАДОР

Въехали в самую плотно заселенную страну Центральной Америки — Сальвадор. Горы здесь пониже, зато леса погуще и побогаче. Зрелые плоды покрывают землю местами сплошным ковром. Хозяйственный Коля набрал полный мешок манго и теперь на привалах мы обедаем ими. На полянах и в лесу половина растений — это наши комнатные цветы. Живности тоже прибавилось. Когда я углубился в кущи и присел подумать о смысле жизни, меня здорово напугал броненосец. Он затаился в траве, а в решающий момент, недовольно фыркая, побежал прочь, да так шумно, что переполошил стаю попугаев. Сразу так много ярко раскрашенных птиц я видел впервые.

Народ в Сальвадоре победнее, чем в Гватемале, но еще приветливее. Стоит с прохожим поздороваться, как его лицо расплывается в доброй улыбке и, кажется, начинает светиться изнутри. На улицах стайки школьников: девочки в белых гольфах, клетчатых юбочках, белых сорочках, мальчики в черных брюках и светлых рубашках.

Помимо автомобильного транспорта в этой стране много и гужевого, запряженного волами. Что любопытно, колеса у повозок деревянные, без металлических ободков. Часто видим мини-заводики по обжигу кирпича и черепицы: три-четыре печи, поддоны с готовой продукцией под длинным навесом прямо у дороги — подьезжай и грузи.

В Сальвадоре запланировано одно восхождение, на вулкан Сан-Мигель. С центральной трассы его хорошо видно, но пока подбирались к нему, прилично поплутали: то свернем не туда, то нужный поворот зевнем — указателей-то нет. Еще проколы замучили — четыре за день! Так что к Сан-Мигелю подъехали только к вечеру.

На ночевку встали на склоне, покрытом черным «керамзитом». На нем уже успел вырасти лесок. По боковому срезу дороги было видно, что его толщина не менее трех метров.

Когда разворачивали лагерь, из чащи вышел и направился к нам местный житель, худощавый индеец лет сорока.

— Хуан Мигель, — представился он.

Из его туго набитой заплечной сумки торчали фазаньи хвосты. Мы были в недоумении: у человека ни ружья, ни лука, как же он их добыл? В этот момент индеец вскинул рогатку, одновременно растягивая резину на весь мах рук, и выстрелил. Поворачиваем головы: метрах в двадцати на земле бьет крыльями фазан, второй скрылся за макушками деревьев. Оказывается, элементарно... из рогатки!

Правда, она несколько отличается от нашей: вилка узкая с параллельными дужками, а резина длинная и очень тугая. Стреляют тяжелой галькой, шарикоподшипниками и даже гайками — все эти боеприпасы лежат на дне «ружейной» сумочки. Я был так восхищен возможностями «древней пращи», что принялся уговаривать Хуана продать ее для моей этнографической коллекции. Когда сделка состоялась, поинтересовался, не продаст ли он и висевшее на поясе в толстом кожаном чехле мачете (мачете сальвадорских мастеров самые лучшие в Латинской Америке). К моему удивлению, индеец сразу согласился.

Пока общались и торговались, Николай накрыл стол. За трапезой Хуан рассказал, что, когда он был маленьким, из кратера вулкана несколько раз текли огненные реки, а сейчас лишь слегка потряхивает. Тем не менее посоветовал быть наверху осторожнее, потому что из жерла иногда вылетает «красный град» и «горячие лепешки».

В тропиках осадки выпадают, как правило, во второй половине дня, поэтому на Сан-Мигель вышли спозаранку. Поначалу поднимались почти вприпрыжку, но примерно через километр лес сменился невероятно густыми зарослями высокого кустарника. Такого густого, что пройти сквозь него можно было, только пользуясь звериными тропами-тоннелями и то лишь встав на четвереньки. Когда одолели это препятствие и облегченно вздохнули, появилось новое: густая, прочная на разрыв, высотой в три метра (!) трава. Продираясь сквозь сумрачные траншеи — порой неба не было видно, промокли от обильно выпавшей росы. Наконец и она осталась позади.

Основной конус уже совсем рядом. К нему вела узкая, шириной не более полутора метров, рыхлая перемычка, разделявшая два боковых кратера. Она состояла из округлых комочков черной и красноватой пемзы. То, что перемычка узкая, мы не могли сразу разглядеть, так как находились внутри наехавшего на нас облака. И хорошо, что не видели, иначе вряд ли решились пойти по ней.

Шли, как канатоходцы, балансируя широко расставленными руками. У меня от одного воспоминания об этом акробатическом переходе даже сейчас холодеет спина — по обе стороны зияли теряющиеся в молочной мути пропасти. Один неверный шаг и... летишь на базальтовые плиты, лежащие далеко внизу. Я шел последним и, когда за моей спиной тяжелым, густым выдохом прошелестела часть ската, меня охватил ужас — казалось, что еще миг и оставшаяся часть перемычки уйдет из-под ног...

Взойдя на скальный выступ, полезли по присыпанному вулканическим пеплом и шлаком камням туда, где грозно урчало жерло. Потревоженный текучий шлак то и дело стаскивал нас вниз, но мы, цепляясь за подворачивающиеся глыбы, упорно продолжали карабкаться вверх. До кромки кратера оставалось совсем немного. Последний рывок — и вот перед нами разверзается огромный провал, завершающийся конусообразной воронкой-жерлом. Из его невидимого истока вылетают клубы пепла, поднимается пар, со стен с шипением бьют струйки ядовитого газа.

Отсняв эту первородную картину, мы прошли вдоль ребра кратера к месту, где была возможность спуститься по ступенчатым уступам к нижней внутренней террасе, опоясывающей базальтовым кольцом теряющееся в дыму дно воронки напряженно гудящего Сан-Мигеля. Сойдя на нее, осторожно приблизились к краю, покрытому

еще неостывшими вулканическими бомбами — по всей видимости, этой ночью был небольшой выброс. Жерло обдало нас жаром, густо пахнуло серой. Неожиданно перед нами что-то неуловимо меняется, и мы... видим в дыму четыре, нет, вон и пятый проступил, ярких фиолетово-зеленых тороидальных кольца, каждый с метр в диаметре. От них исходит пульсирующий свет.

Я замешкался, а Костя успел вскинуть фотоаппарат, но в этот момент раздалась хлопки и... кольца разлетелись быстро гаснущими брызгами. Мы были потрясены этим феерическим зрелищем, но еще больше расстроены — такой снимок зевнули! (По нашей оценке, кольца просуществовали не более трех-четырех секунд.)

Первым вспомнил о цели посещения вулкана неутомимый труженик Николай. Достав свой термощуп, лазерную линейку, он приступил к измерениям. Мы же не сводили глаз с курящегося провала в надежде увидеть еще что-либо необычное. Когда Коля закончил измерения, и мы полезли обратно на гребень кратера, все равно продолжали оглядываться — а вдруг? Наверху Леха достал две плитки шоколада и разделил всем поровну.

Чтобы не рисковать, к лагерю решили спуститься в обход нижних кратеров, значительно правой остатков перемычки. Сначала шли по текучему шлаку. Увидев сбоку тропу, свернули на нее. Она вывела нас в высокий, светлый лес. Укрытая опавшими листьями земля горела алыми шляпками крепеньких сыроежек. Мы с Лехой бросились собирать их в безрукавки, как всегда соревнуясь — кто больше!

Выйдя на открытое лавовое поле, увидели оранжевые купола наших палаток. Через десять минут были в лагере, где нас, кроме Николая и приготовленного им борща, поджидал Хуан Мигель, но уже не один, а с застенчиво прячущейся у него за спиной супругой. Они принесли нам испеченного на углях фазана. Мы, в свою очередь, накормили их русским борщом. И хотя общаться было трудновато, поняли, что Хуан зовет нас к себе помыться. Это было как нельзя кстати: после восхождения мы были грязнее трубочистов.

Сворачиваем лагерь, загружаем «Сафари» и идем вниз. Илья на машине едет следом. Деревушка оказалась совсем близко. Соединенные тропками хижины стояли прямо в лесу. Дом Хуана второй от дороги. Первый — его родителей. Правда, дом — это громко сказано. Хлипкие строения больше походили на крытые террасы. К ним по развилкам деревьев подведены водопровод и электричество — просто, быстро и минимум затрат. Внутри «дома» между стоек висят гамаки, а вдоль стен полки, заставленные всевозможной домашней утварью. Хуан уже ждал нас вместе с черной, вертлявой, очень худой собачкой у калитки. Вокруг, перелетая с одного куста гуавы на другой, выкрикивали приветствия попугаи-неразлучники.

Хорошенько отмывшись под прохладными струями душа, знакомимся с членами семьи. Благодаря тому, что дети постарше знают английский, завязывается живая беседа. Мы рассказали об экспедиции, ответили на вопросы — им интересно было знать, как живут люди в России. Пока общались, посмотреть на русских собралась большая часть жителей деревушки.

КОНФЛИКТ НА ГРАНИЦЕ

Через Гондурас, покрытый выжженной травой и пнями вырубленного леса, в котором уныло бродят стада голодных, костлявых коров, и деревушками с бамбуковыми хижинами, неряшливо обмазанными глиной, проскочили на велосипедах за день с небольшим.

Запомнилось оно алчущими полицейскими и жуликоватыми (точь-в-точь, как в Мексике) продавцами. Тягостное впечатление от страны усилили грифы, терзавшие возле обшарпанного КПП жеребенка.

Наш приезд имел для жителей этой мини-страны самые благоприятные последствия: мы привезли им долгоджанный, обильный дождь. Он как с вечера зарядил, так и был всю ночь. Стволы деревьев почернели, потрескавшаяся за время засухи земля набухла, покрылась пузырящимися блюдцами. Почва жадно впитывала живительную влагу, а когда насытилась, вода стала скатываться мутными потоками в русла пересохших ручьев и речушек.

Утром окрестностей было не узнать. От обилия влаги и тепла (плюс тридцать один градус) все враз зазеленело, а воздух наполнился радостными трелями весело порхавших с дерева на дерево птиц. Мы тоже заразились этим всеобщим праздником чудесного преобразования еще вчера безжизненной, колеблющейся от жары панорамы и в самом благодушном настроении приближались к границе Никарагуа, страны, в которой долгое время шла с переменным успехом гражданская война между проамериканскими силами и мощным патриотическим движением сандинистов, возглавляемым нынешним президентом страны Даниэлем Ортегой.

Процедуру выезда из Гондураса (она проходила в маленьком покосившемся сарайчике), благодаря наработанному опыту, прошли довольно быстро — минут за тридцать. При этом Костя с Андреем еще умудрились отбить попытки жуликоватых служак заполучить с нас несколько десятков долларов за придуманные ими самими «налоги».

Воодушевленные торжеством справедливости, бодро подкатали к никарагуанской границе. Площадка перед ней и дальше шлагбаума была забита юркими трехколесными мототакси, ордами снующих по всем направлениям людей, а по бокам заставлена прилавками, тележками со всевозможным товаром, часть которого лежала прямо на асфальте. Для прохода в помещение пограничной службы в торговых рядах имелись коридоры.

Как только мы остановились, нас окружили валютные менялы и шустрые ребята, демонстрирующие бейджики с подтверждением их полномочий на оформление бумаг, необходимых для пересечения границы. Мы уже знали, что эта шпана реально ничем не поможет, а деньги тем не менее будет требовать. Поэтому Костя деликатно раздвинул их и через образовавшийся прогал отправился в турне по кабинетам самостоятельно.

В ГОСТЯХ У МАСАЯ

С утра, как только солнце стерло с небосвода затейливые письмена созвездий, поехали к вулкану с необычным, переносящим из Никарагуа в Африку названием — Масай. До лесистой подошвы вулкана добрались только к полудню. Успокаивало то, что конус невысокий и технически простой — до вечера управимся.

Поднимались не торопясь, мягким, размеренным, так называемым гималайским шагом. Знаем по опыту, что чем медленнее идешь в гору, тем быстрее будешь у цели.

Ближе к кратеру щебень и оранжевые, ноздреватые шарики стали «жирными», будто пропитанными маслом. Появились первые вулканические бомбы — оплавленные, довольно правильной эллипсоидной формы, камни. Чем выше, тем больше. А вон и комочки серы зажелтели.

Открывавшаяся нашим взорам панорама с каждым шагом ширилась: во все стороны расползались невысокие, похожие на зарубцевавшиеся раны хребты. Наконец видим гребень кратера, весь желтый от серы. Явственно ощутим резкий запах сероводорода. Из кратера поднимаются столбом мглистые клубы, в которых кружат... грифы. Непонятно, что их в этой ядовитой мути привлекает.

Делаем последний шаг — и под нами разверзается очередная бездна. В лицо пахнуло жаром. На дне сквозь дым угадываются то ли язычки пламени, то ли расплав-

ленная магма. Земля подрагивает от титанического напряжения. Из почти отвесных стен жерла со свистом бьют сквозь щели струи дыма вперемешку с пеплом. Их напор переменчив: вялая, чуть живая дымная струйка вдруг превращается в напористую очередь из плотных клубков пепла.

Картина жутковатая. Она довольно точно соответствует описанию Преисподней в «Божественной комедии» Данте. Четко просматриваются те же девять ярусов: у кромки — обитатели мало грешивших, пониже — там, где страдалище дышит безжалостным, очищающим жаром — грешники помастятее, а где-то в самом нутре корчатся в расплавленной магне в страшных муках ниже всех падшие.

Сама собой приходит мысль: может, ад вовсе и не выдумка церкви. Вряд ли случайно то, что почти во всех религиозных учениях это понятие не только присутствует, но и совпадает в деталях. Может быть, при земной жизни мы осознаем лишь малую часть окружающего мира, а главная открывается нашему внутреннему взору только после физической смерти?

КОСТА-РИКА

Вытянутая узкой закорючкой с севера на юг Коста-Рика, пожалуй, самая ухоженная и красивая страна Центральной Америки из всех тех, что мы проехали. Благодаря удачному расположению меж двух океанов, с избытком обеспечивающих страну влагой, а также плодородию земли, щедро сдобренной высокоминерализованным пеплом вулканов, ее горы и долины покрыты буйной растительностью, среди которой немало реликтовых видов. Не случайно фильм «Парк Юрского периода» снимался именно здесь.

Но понаслаждаться экзотически-пышной красотой этого края нам удалось лишь первые три дня — на четвертый начался давно ожидавшийся сезон тропических дождей, и мы до глубины самых внутренних органов прочувствовали, что кроется за этим будоражающим воображение россиянина понятием. Солнечный, брызжущий радостью и покоем зеленый рай в одночасье превратился в пропитанную водой губку.

Ливни здесь настолько щедрые, что через пять-семь секунд на тебе не остается ни одной сухой нитки. Не ливень, а водопад! Слава Богу, что теплый. Невольно удивляешься — как такая огромная масса воды могла полдня парить над землей.

Когда насквозь мокрый летишь на скорости пятьдесят — шестьдесят километров в час на велосипеде с горы — зябнешь, а на подъемах чувствуешь себя так, словно в турецкой бане оказался. Вдобавок ко всему ущелья нашпигованы лохмотьями вновь вызревающих туч. Так что теперь постоянно дышим водным аэрозолем. Единственный промежуток времени, когда можно отдохнуть от сырости и хоть немного обсохнуть, — утро.

Подъем на самый высокий перевал Центральных Кордильер (три тысячи триста метров) чуть не доконал нас. Помимо изнуряющей крутизны склона, на этой высоте довольно холодно (всего восемь градусов), и вдобавок ко всему пошел ледяной дождь. К вечеру мы до такой степени заоченели, что даже не могли разжать пальцы — палатки целый час ставили. Зато на следующий день за три часа спуска сбросили две тысячи семьсот метров. Летели вниз на такой скорости, что на серпантине двое ребят не вписались в поворот и, врезавшись в бетонный бордюр, улетели в кусты. К счастью, отделались лишь синяками и царапинами, да на колесах выбило с десяток спиц.

Из-за непрекращающихся ливней реки с каждым днем набухают. Прозрачные струи превратились в мускулистые, кирпичного цвета потоки, несущиеся с огромной скоростью и готовые в любой момент выплеснуться из берегов. Камни по дну уже не постукивают, а угрожающе гремят и скрежешут. Ночевать у реки стало смертельно опасно.

Коста-Рика местами напоминает Швейцарию. Ухоженная, чистая, благополучная. Неудивительно — больше ста лет без войн! А в Гватемале и Никарагуа она завершилась недавно, на исходе XX века. Тут даже по собакам заметно, что страна не бедствует.

Впечатляет и то, как костариканцы берегут свою и без того богатую флору и фауну. Недаром говорят, что Коста-Рика — страна заповедников и национальных парков. Под них отведено двадцать пять процентов территории. У нас, я думаю, он не более трех процентов, правда, вся Восточная Сибирь практически тоже заповедник.

В непроходимых тропических чащах обитают обезьяны-ревуны, пумы, ягуары, муравьеды, еноты, оцелоты, ленивцы, дикобразы, игуаны, белки. Ну а от птичьего гама по утрам просто звон стоит. Тут и разномастные стаи попугаев, туканов, и крохотные колибри, и много других, незнакомых нам пернатых. Вечерами начинают разом, как будто по чьей-то команде, оглушительно звенеть цикады.

К ночи в сельве, а особенно на открытых пространствах над лугами зажигаются сотни тысяч ярко мигающих огоньков-фонариков — светлячков. Их тут столько, что кажется, будто перед тобой на черном бархате тропической ночи мечутся в броуновском движении тысячи созвездий. Возникает ощущение, будто летишь среди звезд в космосе! Но когда такой огонек вдруг сядет на тебя, то при свете налобного фонарика видишь, что это обычный, зеленоватого цвета жучок.

Приятным сюрпризом было отсутствие кровососов. Изредка вечером покусают москиты, а днем муравьи — и все. Правда, жадутся эти места потом долго.

Растительность тут такая буйная, что даже листья папоротника в три-четыре метра длиной, трава в рост человека, а «лопухи» — по два метра в диаметре! Может, поэтому так много муравьев-листогрызов? Природа настолько красива и разнообразна, что туризм обеспечивает государству восемьдесят пять процентов бюджета. Основные поступления идут с побережья, но и в горах можно увидеть велосипедистов, мотоциклистов. Немало иностранцев приезжает и в полуторамиллионную столицу — Сан-Хосе. Среди них мы встречали представителей самых разных стран, но в большинстве все же американская молодежь. Их сразу видно: джинсы носят настолько низко, что трусы почти целиком наружу. Ребята с виду крепкие, спортивные, но, когда здороваются, ощущение, будто не мужская ладонь у тебя в руке, а пучок веревочек. Поскольку я привык жать от души, — они, бедняги, аж приседали.

В Коста-Рике порадовало то, что здесь можно купить не «пластилинный», вязнущий в зубах, а съедобный, с хрустящей корочкой хлеб. Правда, только белый, и такой невесомый, что семидесятисантиметровая «сигара» весит всего сто пятьдесят граммов, ну и ладно — зато вкусный! Вообще, еще раз хочу добрым словом помянуть продукты российской пищевой промышленности: все познается в сравнении!

Вулканов в Коста-Рике изобилие. Наша команда обследовала два самых знаковых и интересных.

Первый, красавец Ареналь, — «молодой» и весьма деятельный стратовулкан (конус идеальной формы возвышается над окрестностями на тысячу семьсот двадцать метров). В старину индейцы обожествляли его и, чтобы смягчить крутой нрав, приносили многочисленные жертвы. Но в середине XVI века он надолго задремал, и люди, привлеченные плодородием почвы, стали селиться прямо у подножья, а о жертвоприношениях забыли. Проснувшись в 1968 году, он похоронил эти деревни под огнедышащей лавой и вновь заставил почитать себя. С тех пор небольшие извержения происходят практически ежемесячно.

Возле Ареналья расположено одноименное искусственное озеро площадью восемьдесят квадратных километров, являющееся крупнейшим водохранилищем в стране. Оно пользуется огромной популярностью у любителей виндсерфинга всего мира.

Второй вулкан — Поас (две тысячи пятьсот семьдесят четыре метра) — тоже активен. Стоит он в окружении непроходимых, обомшелых от постоянных дождей

лесов. Поднявшись на него по тропе, мы попытались было перейти для съемки начавшегося извержения на противоположный край кратера, но не сумели пройти сквозь густо перевитую лианами и корявыми стволами сельву.

Поас — рекордсмен среди американских вулканов по диаметру кратера: полтора километра. На его широком дне свинцово поблескивает горячее кислотное озеро. Из жерла беспрестанно выходят шишковатые клубы пара. Они исторгаются циклически и достигают таких размеров, что можно подумать, будто именно здесь находится главная «фабрика» по «производству» облаков.

Выше основного имеются еще два спящих кратера. Они поменьше, их склоны уже поросли лесом. На дне самого высокого приютилось изумрудное озеро Ботос. Оно столь красиво, что одним своим видом умиротворяет взор.

Жажду во время отдыха утоляем обычно соком увесистых, как чугунные ядра, кокосовых орехов. Мы приноровились сбивать их длинной жердью или метко брошенным камнем. Прочную, желтоватого цвета «броню» вскрываем острозаточенным сальвадорским мачете. Тут важно одним точным ударом так отсечь верхнюю часть плода, чтобы образовалось отверстие в полость, заполненную чуть беловатым, всегда прохладным соком, и при этом не отрубить себе палец.

После того, как сок выпит, соскребаем ложкой со стенок белую студенистую, весьма питательную массу и с наслаждением поглощаем ее. В качестве высококалорийной добавки балуем себя гроздью бананов, растущих тут же.

Отдельно хочется помянуть добрым словом местную полицию. Она поразила своей доброжелательностью. Здесь полицейские настроены на взаимодействие, а не на репрессии. И водители в ответ платят тем же.

В этой маленькой стране все устроено разумно и грамотно, но одного я не понял: для чего уличные фонари горят круглосуточно? Это ж такой бессмысленный перерасход электроэнергии! Не благоразумней ли установить фотоэлемент?

Место для ночлега найти стало значительно легче. Особенно в южной, менее заселенной части страны. А то ведь, бывало, едешь, едешь, и все частные владения за колючей проволокой. В Коста-Рике их тоже хватает, но между ними всегда имеются свободные прогалы. Тут даже сами ограды симпатичнее и аккуратнее. Некоторые землевладельцы что придумали: вместо столбиков сажают деревья (это здесь запросто — воткнул ветку, а через год на ее месте дерево растет!) и уже по ним натягивают проволоку. Помимо того, что такой способ более экологичный (как-никак прибавка для лесов), он имеет и экономический эффект — столбики покупать не надо.

Короче, в Коста-Рике есть возможность остановиться там, где нравится, без риска получить пулю в лоб. Насчет пули — это не преувеличение. Однажды в Мексике мы до самой темноты не могли найти место, где пристроить палатки. Деваться некуда — поставили на приватной территории. Не прошло и получаса, как подошли ребята с карабинами и, передернув затворы, направили стволы на нас. Мы показываем им письма от Русского географического общества и посольства, потом предлагаем заплатить за стоянку, но они в ответ твердят одно: «Убирайтесь!»

Народ в Коста-Рике спокойный, открытый. Возможно, это связано с благоприятным климатом и щедрыми дарами природы. Встречались даже натуральные донкихоты. Так, возле вулкана Ареналь у нас пробило на острых камнях облысевшую покрывку, а следом и запаску — на ней лопнул корд, и тонкая стальная проволока в нескольких местах проткнула камеру. Что делать?

Проезжавший на квадрацикле пожилой костариканец, узнав о нашей беде, развернулся и повез Илью в ближайший поселок. Объехав три автомастерские, все же нашли покрывку подходящего размера. Правда, еще более лысые — от протектора даже следов не осталось. Доставив Илью обратно, он попрощался, категорически отказавшись от денег.

ЗДРАВСТВУЙ, ПАНАМА!

5 июня

Узкий перешеек, острой мотыгой вонзившийся в громаду Южно-Американского континента, оканчивается Панамой — последним мини-государством Центральной Америки (к сведению: ударение в слове Панама делают не на вторую гласную, как принято у нас, а на третью — Панама́).

По уровню жизни эта страна значительно превосходит все другие государства этого региона, включая даже весьма благополучный туристический рай — Коста-Рику. Секрет прост: через нее проходит приносящий казне колоссальные доходы Панамский канал и имеется офшорная зона, привлекающая в страну крупный капитал. Без этих железобетонных подпорок быть бы ей, скорей всего, заурядной банановой республикой.

Следует заметить, что доходами от канала многие десятилетия пользовались американцы. Но, после того как патриотически-настроенные офицеры совершили в Панаме военный переворот, пришедший к власти генерал Торрихос добился от США подписания договора о возвращении канала и примыкающих к нему земель с первого января 2000 года под юрисдикцию его страны.

В результате этого судьбоносного решения Панама за довольно короткий период неузнаваемо преобразилась. Города украсили шедевры современной архитектуры, великолепные бульвары с фонтанами и зонами отдыха. Для малоимущих построены и продолжают строиться десятки больших поселков (дома передаются в пользование с рассрочкой оплаты в тридцать лет, при этом первый взнос делает само государство). Пенсионерам за многие услуги предоставляется пятидесятипроцентная скидка, а связанные с ней потери частных компаний компенсируются из бюджета.

Нищета отступила: правительство умудряется проводить такую социальную политику, при которой обеспечивается приемлемый уровень жизни для большинства населения и в то же время поощряется большой бизнес.

То, что страна на подъеме, стало очевидно уже на КПП. Здания паспортного и таможенного контроля просторные, светлые. В помещениях кондиционеры, со вкусом подобранная мебель. Даже обработка автомашин дезинфицирующим аэрозолем автоматизирована: заезжаешь в камеру, и через пять секунд процедура завершена.

Глядя на все это, невольно приходишь к выводу, что капитализм, который «построили» в нашей стране под диктовку американских советников, аморален. А нынешняя власть вряд ли способна вывести страну из тупика, потому как безнравственна, и ее главное устремление — без предела обогащаться. Судьба народа интересует нынешних правителей лишь в той степени, чтобы не допустить взрыва, который может навредить этому хорошо отлаженному процессу.

Встретила нас Панама безоблачным небом и ярким солнцем. После недели проливных дождей, пропитавших затхлой сыростью все снаряжение и одежду, это было так удивительно и приятно, что мы сразу влюбились в нее. Правда, погода баловала недолго. Уже на следующий день налетел со стороны Атлантики тайфун, и все опять погрузилось в густой туман и косые пряди дождя.

Поскольку вулканами эта страна не избалована, в нашем маршрутном задании значится только один — Бару. Он же является самой высокой вершиной Панамы — три тысячи четыреста семьдесят пять метров.

Чтобы успеть подняться на кратер до полудня, когда небосвод еще свободен от туч, мы заночевали прямо у ворот одноименного национального парка. Купив у охраны пермит (разрешение на восхождение), вышли на Бару задолго до рассвета. Первые километры «буксовали» по размытой потоками воды тропе, больше похожей на русло горной речки. Протекторы ботинок то и дело выдирали окатыши, скользили по влажной земле.

Потом долго поднимались по крутому скату, покрытому струпами угловатых плит, между которыми пробивалась реденущая с каждым шагом растительность.

Взойдя на скалистый утес, запечатлели на видео, как из-за горизонта проклевывается и, на глазах наливаясь светом, выплывает пунцовая капля. Во все стороны сразу брызнули живительные лучи. В какое-то неуловимое мгновение светило оторвалось от обугленных зубцов и, на ходу раскаляясь добела, поплыло, пробуждая ото сна залитые туманом долины. Мы постарались не отстать, и минут через двадцать стояли на самой высокой точке кратера. Устремив взоры на простиравшиеся дали, долго, пока не накрыло каракулевой армадой облаков, упивались красотой открывшейся панорамы.

Горы здесь хоть и пониже, чем в Коста-Рике, однако время так причудливо изрубцевало их шрамами, что со стороны они напоминали многоярусные крепостные стены с остроконечными сторожевыми башнями. За ближними зеленоватыми хребтами синели отроги повыше, а за ними еще выше, но уже светлее и голубее. А совсем уж вдали они казались полупрозрачными, как будто прикрытыми вуалью. Вся эта картина напоминала гималайскую серию пейзажей Рериха. Сознание того, что с двух сторон от нас простирается безбрежность двух океанов, только усиливало это ощущение.

Удивительно, сколько гор уже перевидал, а душа и сердце не устают восхищаться их неповторимой, каждый раз новой, красотой. Перевожу взгляд на заросших товарищей. Они тоже потрясены. Илья широко улыбается и поднимает большой палец вверх. Мы на вершине! Мы счастливы!

Едем мимо банановых плантаций. Встречные машины мигают. На всякий случай сбрасываем скорость до пятидесяти километров в час и вовремя: за поворотом полицейский на мотоцикле с радаром дежурит. Водительская солидарность не знает границ!

Дорога до столицы Панама оказалась довольно спокойной, без резких подъемов и спусков. Перед городом автострада взлетела на холм, и с него как-то сразу открылся вид на громадный ажурный мост, перекинутый через залив, в который и выходит Панамский канал.

Слева выгнули шеи гусаки портовых кранов, а справа, возле голубоватого острова, на рейде стоят, ожидая очереди, океанские суда. Вода в самом канале грязно-серая, но ближе к океану приобретает сочно-бирюзовый цвет. Прямо под мостом проплывал ослепительно белый пятипалубный лайнер.

Внезапно открывшаяся с моста в проеме меж двух лесистых холмов плотная группа белоснежных небоскребов Панама-Сити произвела сильнейшее впечатление: наши глаза уже отвыкли от такого множества высоченных бетонных башен.

Въехав в город, мы опять ахнули: нас окружали фешенебельные особняки, зелень, цветы, идеальная чистота. При этом историческая зона не тронута, более того — тщательно отреставрирована.

И что больше всего восхищает — все это выросло за какие-то десять с небольшим лет! Как только в казне появились за счет национализации канала дополнительные доходы, так правительство сразу пустило их в дело: на строительство, развитие реального сектора экономики, вызвавшее колоссальный рост числа новых рабочих мест. В итоге у людей появились деньги. Они стали покупать больше товаров, и, как следствие, начали оживать отрасли, производящие их — страна пошла в гору. Никаких резервных фондов и никаких экономических кризисов! Начали панамцы на них!

В таком городе в палатке не поночует. Пришлось селиться в отеле, в шестиместном номере с душем, кухней, бассейном во дворе, компьютером и Интернетом. За все это восемьдесят долларов, то есть четыреста рублей с человека. В элитном районе, среди небоскребов, это очень даже неплохо. Но объективности ради должен отметить, что все первые этажи в решетках, двory за колючей проволокой. Видимо, криминал и в Панаме силен.

Последняя на сегодня новость, правда, грустная — нашу команду по семейным обстоятельствам покидает Андрей Колодкин. Жаль, за эти месяцы мы все так сроднились!

ЭКВАДОР — ЭКВАТОР

Время летит, как быстрая птица: уже пятый месяц, как наша команда в пути. Неделью назад пересекли экватор и пылим по дорогам Эквадора в Южном полушарии. Контур этой страны, напоминая сердце, рассеченное двумя внушительными рубцами Западных и Восточных Кордильер, довольно точно повторяет профиль Южно-Американского континента.

Казалось бы, люди хорошо изучили свою планету, тем не менее Южная Америка по-прежнему остается средоточием исторических тайн, загадочных явлений. Это огромный котел, в котором «варилась» иная история человечества. Возможно, с участием инопланетян или каких-то земных, но неведомых нам существ. Так, в Колумбии, Перу, Коста-Рике то и дело находят золотые «летающие кораблики», сделанные в доколумбову эпоху. Отличаясь в деталях, все они имеют горизонтальные крылья и вертикальный киль. Возможно, прообразом им служили летательные аппараты, возраст которых более трех тысяч лет!

Само название Эквадор (на испанском оно означает «экватор») у меня еще со школы ассоциировалось с чем-то таинственным, будоражащим воображение. Это представление еще более усилилось, когда узнал, что инки, спасая свои сокровища от алчущих конкистадоров, увезли их по тайным тропам как раз сюда, на территорию современного Эквадора, и основали среди огнедышащих вулканов царство Эльдорадо.

Скорее всего, это красивая легенда, но кто знает... Вдруг кому-то и посчастливится наткнуться на следы, подтверждающие достоверность этого мифа. Ведь сколько десятилетий циркулировал слух о том, что в Чили, на острове Робинзона Крузо, хранятся несметные сокровища, но мало кто воспринимал их всерьез, пока один авантюрист не продал свою фабрику и снарядил супероснащенную экспедицию. В 2006 году на глубине пятнадцать метров он обнаружил клад, состоящий из шестисот бочонков золота. Эксперты оценили его стоимость в шесть миллиардов долларов США!

Знакомство с Эквадором начали с его столицы, города Кито, в котором мы провели два полных дня.

Здесьшний климат не соответствует названию страны: бодрящие четырнадцать градусов никак не вяжутся с представлением об экваторе. Кстати, линия экватора проходит всего в семнадцать километрах от города и отмечена массивной тридцатиметровой стелой, на которую водружен макет земного шара, опоясанного золотой цепью. Внутри стелы находится музей истории Эквадора, а от западной и восточной стен в обе стороны отходят полосы, символизирующие экватор. Здесь можно одной ногой стоять в северном, а другой в южном полушариях и наблюдать (правда, почему-то не всегда) интересное явление: вода, сбегая в воронку, в разных полушариях закручивается в разные стороны (в южном по часовой стрелке, в северном — против). А на самом экваторе может сливаться без видимых завихрений.

Наиболее яркая достопримечательность города Кито — гигантская статуя Девы Марии. Она установлена на вершине одного из холмов на постаменте, представляющем собой копию земного шара. Говорят, что это единственная статуя, на которой Мадонна изображена с крыльями. На цепи она держит змею, извивающуюся подле ног.

Как и во всех странах Центральной и Южной Америки, лиходеи и здесь не дремлют. Посему местному населению приходится прибегать к традиционным средствам

защиты: острозыбать дома кольцами колючей проволоки или замуровывать в бетонную ограду острозыбые осколки стеклянных бутылок.

На второй день нашего пребывания в Кито произошло событие, красноречиво иллюстрирующее криминальную обстановку в южноамериканских государствах.

Костя с Николаем влипли, причем по-крупному. Они ехали по центру на велосипедах, как вдруг сверху на них полилось жидкое дерьмо. От расплзающихся по телу комочков в нос ударила чудовищная вонь. Ребята в шоке остановились. Сердобольные прохожие тут же стали подавать кто бумагу, кто тряпки. Кое-как обтершись, бедолаги огляделись, и... поняли назначение этой иезуитской атаки: висевший на ручке велосипеда дорогой фотоаппарат исчез.

В Латинской Америке такого рода сюрпризы возможны в любой момент. Поэтому расслабляться опасно. Не зря здесь так много полиции. Она превосходно экипирована и оснащена. Правда, борется не только с преступностью, но и к туристам цепляется.

В Эквадоре было запланировано восхождение на два вулкана. Крепко спящий, но зато самый высокий в стране Чимборасо (шесть тысяч триста десять метров) и действующий — Котопахи (пять тысяч восемьсот девяносто семь метров).

Чимборасо, конечно, не такой рослый, как гималайские восьмитысячники, однако его вершина удалена от центра Земли дальше, чем у Эвереста (восемь тысяч восемьсот сорок два метра). Этот парадокс объясняется тем, что наша планета по форме не шар, а сплюснутый у полюсов особой формы эллипсоид-геоид и имеет наибольший радиус у экватора.

К Котопахи мы отправились на велосипедах с двухпудовыми рюкзаками на багажниках. Дорога постоянно шла в гору. У обочины то и дело видим пасущихся лам, альпак, осликов. После полудня начался дождь. На такой высоте он вдвойне неприятен. Совсем озябнуть нам не давали крутые подъемы. Во время отдыха между ходками подкрепляемся бананами. Их продают в деревушках связками весом по шесть-семь килограммов всего за два с половиной доллара.

Местные жители провожают наш караван удивленными взглядами, а собаки, отработывая свой кусок мяса, атакуют, грозно лязгая зубами.

Илья немного подотстал, но по нарастающей волне лая мы понимаем, что он догоняет. Вдруг залиvistую разноголосицу прорезает душераздирающий визг и на какое-то время воцаряется подозрительная тишина. Илья подъехал к нам с разорванной штаниной: один пес все же умудрился вцепиться в ногу.

— А чего собака-то визжала?

— Когда она опять прыгнула на меня, я схватил ее и укусил за нос!

Представив эту картину, мы от смеха чуть не свалились с велосипедов.

С местом для ночевки снова проблемы: вдоль дороги по посаженным в ряд деревьям натянуты ряды колючей проволоки. За ней частные наделы самых разных размеров: от двух до сотен гектаров. В конце концов, от безысходности, на свой страх и риск перелезаем через ограду и ставим палатки на краю пастбища. Смотрим на альтиметр: высота — три тысячи пятьсот метров.

Утром, забравшись на очередной отрог, увидели огромный снежный купол Котопахи. Отсюда дорога стала ровней. Леса вокруг давно вырубил, и горные склоны до высоты три тысячи восемьсот — три тысячи девятьсот метров покрыты лишь травой. Правда, молодые сосновые посадки уже кое-где зеленеют. Выше четырех тысяч метров — одни голые камни. На них выживают только лишайники.

Километра за три до подножия Котопахи справа вольготно раскинулся постоянный двор с харчевней. Он хорошо оживлял бедноватый пейзаж. Рядом небольшой монастырь святого Августина. Стены построек и высокая ограда по старинке обмазаны глиной, а окна большие, пластиковые. От хозяина харчевни узнали, что именно здесь проходила знаменитая Тропа Повелителя инков. Время было обеденное, и мы

решили продегустировать самые известные блюда эквадорской кухни: суп лохро из картофеля и сыра и жаркое из козленка с острым соусом ахи, но, увидев цены, сглотнули слюну... и поехали дальше.

Пока заползали по размашистому серпантину непосредственно на конус вулкана (двухсотметровый траверс давал всего десять — пятнадцать метров подъема), нас окружили тучи, поднялся сильный ветер, и одновременно с раскатами грома посыпался град, да такой крупный, что от болезненных ударов увесистых ледяных шариков мы не знали, куда спрятаться. Покрыв за несколько минут землю трехсантиметровым слоем, он перешел в дождь. И мы, почесывая горящие от ушибов тела, снова «ползем» сквозь водную завесу вверх — где-то там должен быть приют. Дело близилось к вечеру. Стало понятно, что до него сегодня не доберемся и нужно останавливаться на ночевку.

Утро порадовало ясной погодой и легким морозцем. По грунтовке через пару ходок достигаем относительно ровной площадки. Дорога из-за крутизны склона обрывается и дальше к горному приюту ведет лишь узкая тропа. Взвалив на себя рюкзаки, поднимаемся, толкая перед собой велосипеды. Я на последнем издыхании, но иду, останавливаясь через каждые двадцать пять шагов.

Ура! Наконец доползли до места. Высота четыре тысячи восемьсот двадцать метров! В приюте полно альпинистов. Шумно и холодно. Недолго думая, разбиваем свой лагерь чуть выше — прямо на лавовом поле, лишенном даже намека на растительность, у края ледниковой шапки.

Итак, за двое суток поднялись на велосипедах с двух тысяч восьмисот до четырех тысяч восьмисот двадцати метров. Здесь уже минусовая температура. Дует сильный, порывистый ветер, окрестности время от времени затягивают тучи. На наше счастье, к вечеру прояснилось и открылась впечатляющая панорама.

На север и восток дыбились друг за другом зубчатые цепи. Безжизненная, неприступная страна. Голо и дико кругом. Быстро смеркалось. На небосводе вызревали первые звездочки. Опустившаяся на землю тьма потушила кровавые ступки заката. Гребни гор помрачнели, взирали угрюмо. Дохнуло холодом. В тишине все отчетливей раздавался монотонный крик какой-то птицы...

Познакомились с местными гидами. Они в два часа ночи поведут наверх альпинистов из Австрии. Предупредили нас о том, что наверху много трещин и ледопадов. Мы решили выходить вместе с этой группой.

Мне не спалось. В голове вместе с чувствительно пульсирующей из-за нехватки кислорода кровью металась беспокойная мысль: смогу ли подняться? Только задремал, как прозвучала команда нашего предводителя: «Индейцы, подъем!»

Мимо наших палаток, звеня железом, уже мерно вышагивали австрийцы. Надев ботинки и кошки (без них идти по оледенелому снегу опасно) двинулись за ними. Шли гуськом, ступая след в след. Подмораживало. На камнях солью выступила изморозь. Над вулканом черное небо, как прокопченный потолок в бане. На горизонте тем временем обозначилась узкой полоской заря.

Изредка поднимая голову, с удовлетворением отмечаем, что фонарики приближаются. Отдыхать садимся недалеко от стенки, с которой свисают огромные сосульки, — она хорошо защищает нас от пронизывающего ветра. Через десять минут встаем и продолжаем подъем. Вот уже поравнялись с хвостом цепочки. С удивлением отмечаем, что австрийцы идут в связках на расстоянии всего два метра друг от друга: в критической ситуации такая короткая веревка даже опасна.

Передохнув, идем на обгон. Первым обошел цепочку Леха, следом Костя, за ним остальные. Вершина уже близка. На альтиметре — пять тысяч семьсот восемьдесят пять метров! Осталось сто двенадцать! Подъем осложняли глубокие ледниковые трещины и узкие карнизы, проходящие вдоль стены, украшенной многометровыми ледопадами.

Когда я взобрался на присыпанный снегом, глубокий, в ледовых потеках кратер, ребята уже завершили измерения и приступили к фотосессии с флагами. Вытирая выдавливаемые морозным ветром слезы, обнял командора. (Он, чтобы облегчить мне восхождение, всю дорогу нес мой рюкзак.)

С высоты пять тысяч восемьсот девяносто семь метров открывалась еще более впечатляющая, чем из лагеря, картина: бесконечные гряды хребтов, заполнявшие пространство от горизонта до горизонта, вязь ущелий и долин, зажатых между ними, головоломные извивы рек. На юге, над тучами грозно возвышается мрачноватый конус вулкана Чимборасо. Отсюда хорошо просматривается и впадина, приютившая столицу Эквадора. К сожалению, запечатлеть эту красоту целиком из-за лохмотьев текучего тумана не удалось.

Сильный холодный ветер пронизывал до костей. Дабы не замерзнуть совсем, поворачиваем обратно. С базового лагеря понеслись на железных «лошадках» в долину с такой скоростью, что ветер в ушах засвистел.

По ряду причин, среди которых самая весомая — вручение престижной всероссийской литературной премии имени Вячеслава Шишкова, я вынужден был прервать свое участие в экспедиции «Огненный пояс Земли». Это решение далось мне без особого сожаления, поскольку во всех южноамериканских странах ниже Эквадора я уже бывал во время экспедиций 2007 года (вместе с командой четырехкратного чемпиона России по спортивному туризму Николая Рундквиста) и 2010 года (с выдающимся башкирским лингвистом и путешественником Эмилем Ждановым).

